

Игумен Нектарий (Морозов)

Таинство исповеди

КАК НАУЧИТЬСЯ КАЯТЬСЯ
И ПЕРЕСТАТЬ ПРЯТАТЬСЯ ОТ БОГА

Annotation

В книге известного православного писателя и публициста игумена Нектария (Морозова) говорится о сути таинства Покаяния, его истории, подготовке к нему и об основных ошибках, которые люди, сознательно или неосознанно, допускают на исповеди.

Книга поможет более честно взглянуть на себя. Почему мое сердце холодно и не радуется молитве? Почему я так мало похож на Христа: не имею ни любви, ни терпения, ни кротости? Как получается, что, раз за разом исповедуясь и причащаясь, я остаюсь прежним?

Игумен Нектарий (Морозов)
Таинство Исповеди. Как научиться каяться и перестать прятаться от Бога

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-806-0207

Фотография на обложке Алексея Полякова

Предисловие
Исповедь. Terra Incognita

Готовясь к первой в своей жизни исповеди, человек оказывается перед массой недоумений. С чего начать? Насколько подробно говорить о себе? Что в моей жизни было грехом, а что – нет? В конце концов, к кому из священников лучше подойти на исповедь?

Но только ли в начале своего вхождения в Церковь люди задаются подобными вопросами?

Совсем нет. Проходит время, вчерашний неофит «врастает» в церковную жизнь. Он знает богослужение. Он побывал в святых местах и полюбил их. Он уже ни за что не перепутает молебен с литургией и способен наставить близких в азах православия. «Лествица», «Душеполезные поучения» аввы Дорофея, книги святителей Феофана Затворника и Игнатия (Брянчанинова) прочитаны, и не один раз. Но вдруг этот воцерковленный христианин обнаруживает, что пришло время других вопросов. Почему мое сердце холодно и не радуется молитве? Почему я, столько лет живя в Церкви, так мало похож на Христа: не имею ни любви, ни терпения, ни кротости? Вопрос о правильности исповеди – в этом ряду. Как получается, что, раз за разом исповедуясь и причащаясь, я остаюсь прежним? И что с этим делать?

В этой попытке разобраться в себе подсказка от человека, чуть дальше тебя прошедшего по пути христианской жизни, по-настоящему бесценна.

Такой помощью и подсказкой, на наш взгляд, является книга об исповеди игумена Нектария (Морозова). В ней – опыт соприкосновения с таинством Покаяния – опыт священника, принимающего исповедь, и христианина.

Отец Нектарий говорит как о сути таинства Покаяния – предельно личного и искреннего разговора человека и Бога, обращения создания к своему Творцу, – так и об основных ошибках, которые люди – сознательно или неосознанно – допускают, исповедуясь. Он помогает более честно взглянуть на себя: как я умудряюсь оправдываться вместо того, чтобы трудиться? Как раз за разом «прячусь» от Бога?

В книге уделено внимание самым разным вопросам, предельно серьезным и немного наивным: откровению помыслов и отношению к снам; важности подробной исповеди и тем случаям, когда детали, наоборот, вредны; лукавству и ложной жалости к себе; сомнениям в том, что Бог простил, и правильному чувству вины; роли духовника в таинстве Покаяния. Каждый ответ открывает новую глубину в уже привычных понятиях, заставляет серьезней отнестись к себе. Каждая страница дает понять: есть место для шага вперед, и есть Тот, Кто этого движения ждет.

Митрополит Антоний Сурожский говорил, что ужас Суда Божьего – в том, чтобы вдруг осознать, что мы прожили всю жизнь формально, узко, несмело, не заметив, что она глубока и просторна.

По сути, книга игумена Нектария – о том, как быть живым. Как не только правильно, искренно и неложно исповедоваться, а жить подлинной христианской жизнью, такой, в которой нет места формальности, но есть место Богу.

Юлия Посашко

Часть 1
Суть греха и покаяния

Исповедь: зачем она нужна?

Что есть таинство Покаяния в своем существе? Почему мы так часто обращаемся к этой теме, почему говорим об исповеди куда чаще, чем о крещении, венчании или соборовании? Даже в семинарии бывает достаточно одной лекции о каждом таинстве, тогда как об исповеди нужен целый курс.

Человек однажды принимает Крещение, однажды миропомазывается, в идеале однажды вступает в церковный брак. Соборование в среднем совершается не чаще раза в год или в несколько лет, и оно не требует такого глубокого внутреннего участия. Но Исповедь и Причастие – два таинства, которые не только проходят через всю церковную жизнь христианина, но становятся стержнем этой жизни.

Естественно было бы сказать, что таким стержнем является в первую очередь Евхаристия, потому что в этом таинстве человек принимает в себя Тело и Кровь Христовы, непостижимым и теснейшим образом соединяется с Господом. Но поскольку мы практически постоянно своей жизнью удаляем себя от Бога, воздвигая между Ним и собой стену, то вынуждены каждый раз, приступая к таинству Причащения, испытывать самих себя, чтобы не пить от Чаши, не вкушать от Хлеба Евхаристии недостойно, себе во осуждение (см.: 1 Кор. 11: 26–29).

Что это за стена между нами и Богом? Она складывается из тех грехов и страстей, которым мы даем в себе жить. И эту преграду приходится раз за разом по кирпичику разбирать.

Никого ближе Бога у человека нет – Он ближе нам, чем воздух, нас окружающий. Но так это только по замыслу Бога, мы же со своей стороны постоянно устанавливаем дистанцию, и величину ее определяет мера нашего противления воле Божией. Или, что то же самое, греховность нашей воли и реализация ее через конкретные дела, слова, помышления и чувствования, с которыми мы внутренне соглашаемся.

Люди зачастую воспринимают христианскую жизнь как определенную форму, как исполнение свода неких в большей или

меньшей степени понятных формальных правил. Но на самом деле христианство предполагает в первую очередь личные отношения человека с Богом.

Восстановление союза с Творцом (а именно так можно буквально перевести слово «религия») и постоянное его обновление – основа религиозной жизни как таковой.

Как понять, что это значит на практике?

Что значит любить Бога?

Безусловно, нам не нужно объяснять, что такое личные отношения между людьми. В какой-то степени, по аналогии, мы можем попытаться уяснить, каковы должны быть отношения человека с Богом. Расстояние между величием Божиим и нашими немощью, слабостью, несовершенством неизмеримо, но, тем не менее, зная, что такое любовь земная, мы способны хотя бы отчасти понять, что такое любовь к Создавшему землю и все, что на ней.

Любовь предполагает конкретные проявления. Если мы говорим кому-то: «Я тебя люблю», но в повседневной жизни за этими словами ничего не стоит, то тот, к кому обращено такое признание, вправе спросить: «Действительно? Почему же в таком случае я этого не вижу?» И тогда мы вынужденно признаем: «Да, действительно, ты прав, я не люблю тебя, вся моя „любовь“ – лишь на словах». В любви человеческой есть конкретика. Мы можем себя обманывать, и даже склонны это делать, можем пытаться обманывать Бога, говоря, что любим Его, но тут возникают те же самые вопросы. Любовь невозможна без самоотдачи, она связана с определенной ответственностью и обязательствами, предполагает, что ты стремишься к тому же, чего желает любимый тобой человек. Поэтому Господь говорит о совершенно непреложных критериях истинности любви к Нему: «Если вы Меня любите, то заповеди Мои сохраните» (ср.: Ин. 14: 15). Реализация любви к Богу – это исполнение того, чему учил Христос.

Это одновременно и школа любви: с одной стороны, христианин слушается Бога по любви к Нему, пусть вначале малой и несовершенной, а с другой стороны, именно следование воле Божией и взращивает в нем эту любовь.

Нередко бывает, что личные отношения между людьми разрушаются из-за неискренности, непорядочности, равнодушия, непостоянства, неготовности прийти на помощь или сдержать слово, данное человеку, и многих других причин. Другими словами, нашу дружбу и любовь убивает то, в чем мы согрешили по отношению к дорогому некогда человеку. Мы прекрасно знаем (хотя некоторые люди

и это знание, к сожалению, утрачивают): если мы провинились перед ближним, то должны, во-первых, попросить у него прощения – искренне, от души – и пообещать, что больше так делать не будем, а во-вторых, постараться исправить то, что испортили своим грехом или ошибкой, – настолько, насколько это возможно. Тот, с кем мы поступили дурно, должен увидеть наше искреннее раскаяние, чтобы поверить: впредь от нас такого подвоха или подлости ждать уже не придется. Вслед за этим следуют примирение и возобновление разрушившихся было отношений.

Терпение человеческое, впрочем, не безгранично. И когда мы уже подвели нашего друга один, десять, сто раз – в какой-то момент он скажет: «Все, хватит. Ты столько раз меня обманул, столько раз обещал исправиться, но ровным счетом ничего не изменилось. Нам больше не о чем говорить!» Но если человек и может так сказать, то Господь так никогда не скажет. И в этом заключается едва ли не главное чудо нашего общения с Богом: с Ним мы всегда, что бы ни произошло, можем надеяться на прощение. И исповедь – это и есть момент примирения с Богом, когда мы осознаём свою вину перед Ним, просим прощения, раскаявшись в том, что сделали, и принимаем решение изменить что-то в своей жизни. За этим следует труд исправления. И равно как и в отношениях с людьми, здесь от нас потребуются искренность и глубина покаяния.

Вина, раскаяние, изменение

В те или иные периоды церковной истории таинство Покаяния существовало в различных формах, видоизменяясь со временем. Сейчас мы имеем чин совершения исповеди, актуальный на сегодняшний день. Если бытие нашего мира продлится еще сколько-то столетий, возможно, этот чин еще каким-то образом изменится – это вполне закономерно, ведь и богослужение так или иначе трансформируется, больше или меньше. Но суть таинства Покаяния в течение веков остается неизменной.

Если разложить исповедь на «этапы», то они будут такими: осознание своего греха и вины перед Богом, раскаяние и сожаление о том, что этот грех допущен, покаянное обращение к Богу; устное исповедание своих грехов священнику и вслед за тем (хотя это может и предшествовать таинству) – реализация в жизни решения о том, чтобы к исповеданному вновь не возвращаться. И дальше – труд, необходимый для того, чтобы не приходилось каяться в тех же грехах снова и снова.

Время от исповеди до исповеди, по большому счету, должно проходить в этом труде. И если в какой-то момент человек понимает, что хотя и трудился, но, тем не менее, оступился в одном, в другом, в третьем, или же, наоборот, те грехи, в которых он принес покаяние, слава Богу, не повторялись, но были совершены какие-то другие, он вновь приходит к священнику.

В таинстве Исповеди должно происходить то, что святые отцы выражали словами Священного Писания:*и рех: ныне начах*(Пс. 76:11). Христианин как бы говорит себе: «Во всем, что было до этого момента, я раскаялся и теперь, как с чистого листа, намереваюсь начать свою жизнь заново (или – еще одно святоотеческое выражение – „положить начало“)». Формальное отношение к исповеди и ее профанация как раз заключаются в том, что человек просто «высыпает» все свои грехи перед аналоем с крестом и Евангелием, словно опрокидывая мусорное ведро над контейнером, не принимая никаких решений, не анализируя причины своих падений и не собираясь ничего всерьез в своей жизни менять. В таком случае он и

дальше будет попросту копить новые грехи и снова приходить и говорить о них.

У нас на приходе была одна женщина, врач или медсестра, которая, говоря об исповеди, употребляла очень характерный глагол: «Я уже *сдавала* грехи». Безусловно, исповедь – это не «сбор и сдача грехов», как анализов в поликлинике, которые можно собирать и сдавать бесконечно. Таинству Покаяния предшествует борьба с тем недобрым, что в нас есть, а к кресту с Евангелием мы приходим с результатом этой борьбы. Почти всегда этот результат оказывается недостаточным. Тем не менее, исповедь для нас – это шанс и самим увидеть себя, и дать возможность священнику понять, меняемся мы в лучшую или худшую сторону или не меняемся вовсе.

Сегодня человеку, пусть и регулярно исповедующемуся, даже это дается с трудом. Если же он откажется от регулярной исповеди – жизнь свидетельствует о том, что его преуспеяние будет практически равняться нулю. Поэтому так велико значение исповеди для современного человека, так важна ее роль в становлении его христианской жизни.

Каким было покаяние святых

Почему это проблема именно нашего времени?

Если мы обратим свой взор в христианскую древность, то увидим вещи, которые нас удивят. Сегодня есть такое устоявшееся мнение: если человек тяжко согрешил и не прибегнул к таинству Исповеди, то он погибнет. Я не готов опровергать эту точку зрения, но хочу сказать о том, что истина этим утверждением не исчерпывается. Возьмем пример преподобной Марии Египетской (V–VI вв.): после многих лет поистине беззаконной и страшной жизни она приезжает в Иерусалим; желая войти в храм Воскресения Христова, наталкивается на непреодолимое препятствие, как бы на некую невидимую стену; в ее душе происходит переворот, она слышит повеление Божией Матери перейти Иордан, чтобы обрести там свободу. Мария идет в храм Иоанна Предтечи на берегу Иордана и причащается там, – при том, что тяжкие плотские грехи она совершала как минимум за день перед этим, плывя на корабле в Иерусалим. О том, что она принесла в церкви исповедь, не говорится ни слова. Затем будущая святая переходит Иордан, подвизается долгие годы в пустыне, достигнув немыслимой для человека степени святости; в конце жизни встречает авву Зосиму и рассказывает ему историю своих падений и своего обращения к Богу. Причем этот рассказ нельзя назвать исповедью или покаянием, потому что покаяние – это изменение человека, которое в данном случае произошло уже давным-давно: перед преподобным Зосимой стоит не жена-грешница, как она сама себя называет, а величайшая святая, в присутствии которой он ощущает свое собственное несовершенство и недостоинство. Собственно говоря, эта встреча и становится для аввы Зосимы ответом на его внутренний вопрос, чего он в своей подвижнической жизни еще не сделал и где лежат пределы христианского совершенства.

Мы можем взять другой пример – преподобный Павел Препростый[1]сидит перед входом в храм в одной из обителей в Нитрийской пустыне, мимо него проходят братия. Он видит их всех со светлыми радостными лицами, в присутствии Ангелов, и лишь один брат идет мрачный, страшный, и его окружают демоны, а Ангел-

хранитель, следуя за ним поодаль, горько плачет. И преподобный не входит внутрь: он остается у дверей и молится об этом брате. Когда же по окончании службы все выходят из храма, он видит, что и у этого брата лицо светлое и радостное, и даже особенно светлое и радостное, и Ангел идет рядом с ним, а бес плетется вдали. Преподобный при всех останавливает этого инока и говорит: «Не сойду с этого места и тебе не дам сойти, пока ты не скажешь, что с тобой произошло? С чем ты шел, почему был таков и почему сейчас ты другой? Поведай об этом всем нам». И брат говорит: «Я долгое время жил в тяжком грехе, в падении (понятно, что речь идет о каком-то падении блудном. – *Авт.).*Но войдя в храм, я услышал слова пророка Исайи о покаянии:*омойтесь, очиститесь… перестаньте делать зло; если будут грехи ваши, как багряное, –как снег убелю; если будут красны, как пурпур, –как волну убелю*(Ис. 1: 16–18), и понял, что я больше так жить не буду, что изменю свою жизнь. Я тут же пошел и причастился Святых Христовых Таин и вышел из храма с радостью»[2]. Ничего не сказано о том, что он был на исповеди, наклонил голову под епитрахиль и над ним была прочитана разрешительная молитва, – ни слова.

Мы можем видеть в истории древних монашеских обителей, что братия открывали своим старцам или даже друг другу то, что они совершали в своей жизни недолжного, греховного, и после этого шли и причащались Святых Христовых Таин. Момент, когда бы над ними совершалось таинство Исповеди в нашем понимании, не всегда прослеживается.

Таким образом, очевидно, что к той форме совершения таинства Покаяния, которая известна нам сегодня, мы пришли постепенно – в силу, безусловно, деградации церковной и христианской жизни как таковой (о том, как и почему менялась форма исповеди, мы еще скажем в этой книге). Но путь к выходу из сложившегося кризиса должен начинаться отнюдь не с попыток вернуться к изначальным формам таинства Покаяния, а с изменения нашей духовной жизни. Для того, чтобы от современной практики исповеди перейти к той, которая была в Церкви первоначально, нужно соответственно этому поменять свою христианскую жизнь.

Обратное – крайне неразумно. Это будет сродни тому, как если бы человеку с переломанными ногами, передвигающемуся с помощью

костылей, сказали: «Ходить с костылями – ненормально! Ну посмотри: все же обходятся без них! Человек, который ходит на костылях, – неполноценный. Бросай-ка их и давай сам ковыляй!» Нет, совершенно очевидно, что путь другой: нужен курс реабилитации, чтобы сломанные ноги восстановились и человек заново научился ходить, и тогда он сможет бросить костыли. И никак не наоборот.

Часть 2
Исповедь в древности и в наши дни

Почему раньше каялись публично?

В таинстве Исповеди священник произносит такие слова: «…примири и соедини его Святей Твоей Церкви»[3], поскольку человек через грех отпадает от Церкви как от Тела Христова, а в покаянии должно произойти его возвращение, воссоединение. Но для того чтобы это действительно произошло, должен быть тот, кто Церковь представляет. Собственно говоря, священник на исповеди и есть этот самый представитель.

Как проходило в древности публичное покаяние и зачем оно было нужно? Христианин согрешал, об этом грехе узнавала церковная община. И чтобы этот пример не расслабил, не развратил ее, чтобы удержать других ее членов от подобного греха, нужно было акцентировать на этом внимание, дать понять, что падение брата – не что-то само собой разумеющееся, не рядовое событие, а страшная трагедия. Момент публичного покаяния необходим был не только ради согрешившего, но и ради общины.

У преподобного старца Паисия Афонского[4]есть рассуждение о том, почему Церковь так строго относится к самоубийцам, почему они лишаются христианского погребения и хоронятся вне церковного кладбища. Он говорит: разве мы можем восхитить себе суд Божий? Разве имеем право сказать, что в вечности этот человек, самоубийца, будет осужден? Мы не знаем, что заставило его свести счеты с жизнью, что происходило в его душе, что думает об этом Господь. Но для того, чтобы люди понимали, насколько это страшно, и удерживались от подобного решения, Церковь ставит для них вот этот барьер. В конечном итоге это не жестокость, а милосердие.

Мы все с детства видим на столбах таблички с черепом, костями и молнией, где написано: «Не влезай – убьет». Но ведь появились они не ради того, чтобы кого-то запугать или, как бы сейчас сказали, наполнить негативом человеческие сердца. Это предупреждение о реальной угрозе. То же самое и в случае с публичным покаянием. Его цель заключалась не в том, чтобы заклеймить человека и подвергнуть его позору, а в том, чтобы показать ужас греха и вместе с тем

засвидетельствовать: согрешивший осознал этот ужас и хочет измениться.

С другой стороны, тот, кому приходилось пройти скорбным путем покаяния перед общиной (а в древности оно, как мы знаем, включало несколько достаточно продолжительных этапов), понимал, насколько тяжело возвращение от греха к полноценной христианской жизни. И это понимание тоже являлось очень мощным фактором.

Так было в древности… В наше же время человек грешит, и церковный приход об этом, как правило, не знает, поскольку современный христианин живет не в общине, а сам по себе. По этой причине публичное покаяние утратило свой смысл. И сегодня, если бы кто-то захотел его возродить, оно носило бы совершенно формальный характер.

Как у нас бывает в Прощеное воскресенье? В храме собираются прихожане, которые, согласно древней монашеской традиции, в этот день накануне Великого поста испрашивают друг у друга прощения за то, в чем чувствуют свою вину: ведь они регулярно общаются, между ними складываются более или менее близкие отношения, и они действительно порой могут чем-то задеть, чем-то обидеть один другого, могут друг о друге помыслить или сказать за глаза что-то недоброе. Однако в Прощеное воскресенье в храме обязательно оказываются и просто зашедшие туда люди, которые, желая как-то приобщиться к церковной традиции этого дня, начинают тоже просить прощения – у прихожан, у священника. В чем же их вина перед теми, кого они впервые в жизни видят? Безусловно, нам всегда есть за что просить прощения, эту истину когда-то замечательно сформулировал Достоевский: каждый перед каждым виноват. Но вряд ли большинство из людей, зашедших ненароком в храм в Прощеное воскресенье, думает в этот момент о словах Достоевского. Скорее всего, они просят прощения формально. Может быть, и неплохо, что они это делают и уходят из церкви с какими-то хорошими, теплыми впечатлениями. Но по большому счету это действие не имеет практического смысла. Прощения надо просить у того, перед кем ты виноват на самом деле: кого ты огорчил, кому причинил боль (и, конечно же, это надо делать не только в Прощеное воскресенье, но и на всем протяжении жизни, когда это, исходя из обстоятельств, необходимо).

Значение исповеди сегодня

Итак, было бы очень странно и, повторюсь, неестественно для нашей нынешней жизни вернуться сегодня к практике публичного покаяния. Христианских общин, какими они были в древности, сейчас нет. Может быть, и существуют исключения: где-нибудь в небольшой обители, где естественным образом вся братия знает, что тот или иной брат пал и таким образом отлучил себя от их общей жизни. Но и тут, помня о немощи современного человека, надо подумать, полезна ли ему будет исповедь перед всей общиной, выдержит он это или нет? Ведь все, что существует в Церкви, должно содействовать спасению человека, а не разрушать и не уничтожать кого бы то ни было.

Так мы, с одной стороны, знаем о древней епитимийной практике[5], сопряженной с отлучением согрешившего христианина на много лет от евхаристического общения, а с другой стороны, в Апостольских посланиях встречаем свидетельство совершенно иного пастырского подхода. В своем Втором послании к Церкви Коринфа апостол Павел пишет о некоем блуднике, прежде отлученном от нее, и просит коринфских христиан вновь принять его в общение, чтобы сатана не умертвил его чрезмерной печалью (см.: 2 Кор. 2: 5-11). Ясно, что он говорит об этом не через десять или четырнадцать лет после случившегося грехопадения. Апостол посчитал достаточно краткое время довольным для покаяния, поскольку знал ситуацию изнутри и понимал, что подобное решение принесет падшему пользу.

Впоследствии от той строгой епитимийной практики, которая существовала на заре христианства, отказалась и вся Церковь, что представляется совершенно здравым и естественным. Если бы сегодня мы отлучали людей от Причастия на семь, десять, четырнадцать лет, то просто губили бы их, отсекая от жизни в Церкви фактически навсегда. Любовь же, сострадание и снисхождение (но не потакание!) к немощи современного христианина приносят свои плоды: мы видим, какие перемены постепенно происходят в людях, как совершается в них то преображение, которое без возвращения к участию в таинствах было бы невозможно.

Вместе с тем мы видим и другое: редко кто в наши дни меняется так скоро и бесповоротно, как это можно было наблюдать в древности, в жизни огромного множества святых. И сегодня сказать, что покаяние – личное дело каждого, что человек сам перед Богом согрешил и сам перед Ним покается, будет огромной ошибкой. Нам действительно нужен свидетель, нужно примирение с Церковью через таинство, дающее возможность Божественной благодати врачевать нашу немощь и восполнять недостающее. Без этого какое-либо движение вперед оказывается решительно невозможным.

Я ни в коем случае не хочу сказать, что таинство Покаяния необходимо лишь сегодня, а раньше нужды в нем не было – разумеется, это не так. Все таинства, установленные в Церкви действием Духа Святого, необходимы. Я просто обращаю внимание на то, что если в древности мы находим примеры обращения грешников от жизни беззаконной к жизни святой через внутреннее покаяние благодаря колоссальному стремлению измениться и стать другими, то для современного человека, постоянно колеблющегося, слабого, нерешительного, исповедь – фактически единственный путь к воссоединению со Христом после отпадения от Него.

Бог восполняет нашу немощь

В деле нашего спасения действует принцип синергии – взаимодействия двух воль и двух сил: Божественной и человеческой. Повторюсь вновь и вновь: мы видим, насколько сегодня стал слабее человек, насколько немощнее стала его воля и умалились силы. И мы не можем не понимать: раз в этом процессе синергии с нашей стороны сил прикладывается все меньше, то, значит, этот недостаток может восполняться лишь Богом. Современная практика таинства Исповеди и есть отражение этих перемен, происходящих в человеке и в его взаимоотношениях с Богом.

Из книги «Одна ночь в пустыне Святой Горы» мне запомнился такой эпизод. Когда расстаются автор, будущий митрополит Иерофей (Влахос)[6], и его безымянный собеседник, то первый говорит: «Какая же здесь, на Святой Горе, удивительная благодать Божия!», на что собеседник возражает: «Нет, благодать Божия не меньше действует у вас, живущих посреди мира. Ведь здесь, в уединении, очень мало искушений и соблазнов, вы же окружены ими со всех сторон. Конечно, Господь в гораздо большей степени покрывает вас, помогая вам устоять». То же самое можно сказать и про таинство Исповеди: чем немощнее и слабее человек, тем больше в его жизни действует Бог.

Об этом ярчайшим образом говорится в известной притче о подвижнике, который, умирая, жалуется Богу: «Господи, почему тогда, когда мне было тяжелее всего, Ты меня совершенно оставлял? Я был предоставлен самому себе и страдание мое было нестерпимым». В ответ Господь показывает ему две цепочки следов, тянущиеся по песку: в какие-то моменты цепочка остается только одна. Видя это, подвижник говорит: «Я прав, Господи! Ты меня оставлял!» – и слышит голос Божий: «Это не твои следы, но Мои. В самые трудные моменты твоей жизни Я нес тебя на руках».

Таинство Исповеди в его нынешней форме – это одно из проявлений того, как крайняя человеческая немощь восполняется участием Божиим. Это действительно так. Порой человек приходит к аналою с крестом и Евангелием, еще до конца не понимая, что такое исповедь, не имея ясного христианского сознания, не будучи

способным назвать и осознать девяносто процентов своих грехов. Приходит, потому что в какой-то очень малой степени, отчасти, понимает необходимость покаяния. Но само это покаянное движение – начальное, несовершенное, почти детское – является тем, к чему может привиться благодать. Иной раз человек после исповеди уходит совершенно другим, утешенным, и в его жизни начинают происходить перемены.

Чудо обновления души: случай из жизни

Я, наверное, уже не раз приводил этот пример, когда-то поразивший меня самого, но тем не менее приведу его снова. Это было достаточно давно – около шестнадцати лет тому назад. Я служил литургию, и в тот момент, когда к Чаше подходили причастники, последним среди них я увидел молодого человека, весь вид которого ясно говорил: он идет к Причащению безо всякой подготовки. На самом деле часто взор священника способен выхватить из череды людей, стоящих и ожидающих момента, чтобы подойти к Чаше, тех, кто не понимает, что он делает, кто решил причаститься «на всякий случай», «как все». Обычно во внешнем облике такого человека, в его взгляде, выражении лица есть что-то, что заставляет задуматься, все ли правильно, и задать ему вопрос: а вы исповедовались ли, готовились ли к Причастию? У нас на приходе, как правило, в момент причащения рядом с Чашей находится второй священник, и, если становится понятно, что подходящий к Причастию не готовился, мы его тут же «передаем» этому священнику. И тот уже либо объясняет, в чем должна состоять подготовка к Причастию, либо исповедует пришедшего, если это необходимо.

И вот к Чаше подходит молодой человек, и по его виду я понимаю, что он не просто не читал положенных молитв, не постился и не исповедовался, не просто живет какой-то не очень хорошей жизнью, – в одно мгновение мне вдруг становится ясно (не знаю, как это получилось), какая страшная у него жизнь – просто какая-то бездна! И лицо у него – словно оживший мрак.

При том, что я обычно и человека, который сложил неправильно руки на груди или у которого отсутствующий взгляд или напряженное лицо, и то на всякий случай спрошу: «А готовились ли вы?», тут я, будто мое тело и руки не принадлежат мне, спрашиваю его имя и – причащаю. Не в состоянии объяснить себе, почему я это делаю. Проходят сутки, в течение которых я постоянно вспоминаю этот эпизод и по-прежнему не могу найти причину своего неожиданного поступка. Меня это страшно беспокоит, но в то же время – нет ощущения, что я совершил ошибку. На следующий день я служу уже

как требный священник[7], исповедую. Вдруг ко мне на исповедь подходит тот самый молодой человек. Все мои предположения о его жизни оказались абсолютно верны: исповедь его была страшной, потому что страшной была его жизнь – это такая тьма, такой мрак, все, что с ним в жизни творилось, что он делал сам и что делали с ним! Когда он исповедовался, его жутко ломало, все его тело буквально изгибалось волнами, было ощущение, будто из него кто-то выходит. Для того, чтобы просто быть свидетелем этого, требовался огромный труд и напряжение, и я могу только отчасти догадываться, что переживал в эти мгновения он сам.

Этот юноша приходил на протяжении какого-то определенного времени, исповедовался, потом причащался, и с ним происходила совершенно поразительная вещь. Помните, как говорит преподобный Серафим Саровский[8]: душа христианина, который постоянно причащается, с течением времени просветляется. Но это происходит в том случае, если есть покаянное стремление к Богу; если человек не просто регулярно причащается, но и изменяется с каждым Причащением, прилагая к этому изменению свой труд. У меня было ощущение, что этого юношу на моих глазах за какое-то короткое время отстирали, очистили, смыли с него всю грязь и нечистоту: он был черным и постепенно стал светлым. Ушел тот страшный мрак. Совершенно поразительное ощущение!

Я рассказал ему впоследствии о том самом первом дне, когда он появился в храме, что я не могу объяснить, почему допустил его до Причастия, а он ответил: «А я не знаю, почему я пошел причащаться. Но я вдруг почувствовал, что обязательно должен это сделать, и если не сделаю, то у меня ничего не получится». И это Причащение дало ему силы для покаяния.

Потом он уехал – просто чтобы не находиться в этом городе, чтобы оказаться дальше от мест, напоминающих ему о его грехах.

Вот такое чудо изменения человека я видел. А сколько их происходит!

Часть 3
О страхе и благодати. Первая исповедь

Как преодолеть нерешительность

Нередко люди, чувствуя необходимость в исповеди и понимая ее важность, все-таки никак не могут на нее решиться, медлят, успокаивая себя: «Позже как-нибудь!» Это откладывание может длиться месяцами, а порой и годами: ведь так трудно начать говорить о самом дурном и темном в себе. Не только трудно, но и стыдно, и больно! Что же может побудить человека преодолеть такой как будто естественный для него страх?

Мне кажется, разумно спросить самого себя: «Если мне так больно и стыдно сейчас, когда нужно лишь прийти в храм и в присутствии священника покаяться в том, в чем я чувствую себя виноватым, насколько же острее эти боль и стыд будут ощущаться, когда я предстану перед Богом?» И не только перед Богом – как мы знаем, на Страшном суде перед всем миром откроется то, в чем человек не раскаялся при земной жизни, с чем не смог расторгнуть греховный союз.

С другой стороны, и стыд, и страх исповедовать свои грехи имеют под собой ложное основание. Каждый духовник, без сомнения, знает обо всем самом тяжелом, постыдном, горьком, что может в жизни человека произойти, и вряд ли то, что прозвучит на исповеди, его напугает или удивит. Помимо этого, любой священник понимает: нет никого, кто был бы совершенно чист. Грешен любой человек, в том числе и он сам. Но вместе с тем ему известно и другое: большинство людей, будучи грешными и, может быть, даже порочными, не только не решаются сказать об этом на исповеди, но даже не ощущают потребности в покаянии. Поэтому к тому, кто себя в этом таинстве обличит, преодолев стыд и страх, пастырь всегда будет относиться с уважением – если он, разумеется, настоящий пастырь.

Но даже если священник окажется не соответствующим своему призванию и не проявит к исповедующемуся должной деликатности и бережности, то и это – не трагедия. Наоборот – повод вспомнить, что исповедь – это то, что совершается между человеком и Богом, а священник – лишь свидетель, который может помочь или не помочь, и даже создать помеху, но таинство не потеряет от этого своей силы.

Облегчение, которое человек испытывает после исповеди, чаще всего вознаграждает за те душевные страдания и терзания, которые приходится переживать, готовясь к ней. Когда христианин исповедуется искренне, полно, у него появляется удивительное ощущение милости Божией и внутренней свободы, – в том числе свободы начать жить иначе. И это то, что стоит и труда, и пережитых стыда и боли. Ощутивший это на собственном опыте поймет, о чем я говорю, а тот, кто еще не ощутил, пусть поверит: это так и есть!

Нужны ли «пособия» к исповеди

Сколько бы ни было прожито до первой исповеди – двадцать лет, сорок, шестьдесят или семьдесят, – в сущности можно сказать одно: прожита целая жизнь. Сложно уложить ее в немногие слова и фразы. Если у впервые пришедшего на исповедь нет навыка испытания своей совести и привычки анализировать жизненные обстоятельства и причины своих поступков, то ему будет трудно вспомнить решительно все, что требует покаяния. Поэтому сначала нужно сказать о том, что больше всего тревожит душу: о самых тяжелых грехах.

Однако зачастую современный человек не имеет ясного представления о пороке и добродетели. Например, он может исповедоваться в том, что регулярно обижает маму, при этом жить в «гражданском браке», умудряясь изменять своей «гражданской супруге» с несколькими женщинами и не считать этого грехом, поскольку никто из этих женщин о его похождениях не знает, а следовательно, с его точки зрения, не страдает. Другой убежден, что если он не совершал тяжких преступлений, никого не убивал, не грабил, не обманывал, не предавал, то ему и каяться не в чем. В наши дни представления о жизни духовной, христианской у большинства людей отсутствуют начисто…

Надо ли по этой причине при подготовке к первой исповеди брать в руки какие-то «пособия»? Это вопрос…

Книга, в которой впервые нам, христианам, говорится о покаянии, – это Евангелие. Безусловно, о грехе и добродетели мы узнаём и из Священного Писания Ветхого Завета, но призыв к покаянию все-таки воспринимаем в большей степени через Евангелие:*покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное*(Мф. 4: 17). Ответ на вопрос, что есть грех, а что – добродетель, надо искать в этой книге. Именно прочтение Евангелия должно стать первым приготовлением к исповеди.

«Пособия» не всегда безусловно необходимы. Подчас человек приобретает какие-то книги и, не зная, как к ним правильно относиться и как ими пользоваться, вместо ожидаемой пользы получает вред. Например, пытаясь по ним, словно по инструкции, детально подготовиться к первой исповеди, может идти к ней очень

долгое время или не дойти вообще, бросив «непосильный» труд. Путь к исповеди не надо чрезмерно усложнять. Прочитав хотя бы одного из евангелистов (что на самом деле нужно было сделать перед Крещением), человек получит то минимальное приготовление к таинству Покаяния, которое ему необходимо. Когда же он исповедуется, когда упадут самые тяжелые камни с его души, ему будет легче с помощью просвещающей сердце благодати Божией двигаться дальше. И таким образом первая исповедь станет для него первым этапом покаянного делания.

«Книги с вопросами» – своего рода плуг, которым человек должен перепахать свою душу, чтобы обнаружить, что в его жизни не так. Вопросы должны только навести исповедника на определенные мысли, воспоминания, но нельзя ни в коем случае превращать исповедь в «отчет» по каждому из означенных в такой книге «пунктов», отчет, в котором может не оказаться ни живого чувства, ни действительного покаяния. Для начала на исповедь следует идти просто с тем, что беспокоит, причиняет боль и вызывает чувство вины. А после этого, пообщавшись со священником (может быть, впервые именно на исповеди) и посоветовавшись с ним, как дальше двигаться по пути покаяния, прийти в следующий раз с тем, что впоследствии откроется душе.

Я также уверен, что если человек и Евангелие еще не читал, но просто чувствует себя в чем-то виноватым – пусть всего лишь в одном грехе за всю свою жизнь, – не нужно откладывать, надо с этим одним грехом, тяжким и мучающим сердце, идти на исповедь. С этого все и начнется. Если же он в себе это чувство подавит, сказав: «Нет, я сначала подготовлюсь как следует», то это «как следует» может случиться, как показывает опыт, очень нескоро или вовсе никогда.

Неслучайно исповедь сравнивается с чисткой лука: по мере того как мы приближаемся к самой сердцевине луковицы, снимая шкурку за шкуркой, наши глаза наполняются слезами. То же самое происходит и здесь: сначала надо содрать хотя бы самую верхнюю «шкурку», а потом слой за слоем снимать остальные.

Первая исповедь – лишь первый шаг. Вся жизнь христианина должна быть одним непрестанным покаянием: до той поры, пока человек живет, оно не должно прекращаться.

Дорогу осилит идущий

Как выбрать того, к кому подойти на первую исповедь? На самом деле знакомому священнику не всегда легче исповедоваться, чем незнакомому, бывает наоборот – проще пойти к тому, кого ты не знаешь и кто не знает тебя. Правильно ли это? Мне кажется, неправильно: такой выбор подсказывают в первую очередь все те же ложные страх и стыд.

Обычно или кто-то из близких людей, друзей или родственников указывает человеку на какого-то батюшку, или же он сам, прочитав книги или услышав проповедь того или иного пастыря, чувствует, что именно ему сможет открыть свое сердце. Если же нет подобной ясности, тогда лучше просто идти на исповедь к тому, кто будет принимать ее в храме, порог которого ты решился сегодня переступить. Ведь поиск подходящего священника может затянуться на годы, и, безусловно, в процессе этого поиска будет участвовать еще и враг, «подсказывая»: «К этому не ходи поэтому, к тому не ходи потому». А попутно такому искателю будут попадаться на глаза всевозможные неприглядные публикации о людях Церкви, которые живут так, как не должно. И все эти впечатления, накапливаясь, вырастут в крепостную стену, которой человек отгородится от своего спасения и так и не придет к покаянию.

Апостол Павел говорит о своих собратьях иудеях: лежит на их глазах некое покрывало, которое не дает им видеть истину (см.: 2 Кор. 3: 14–16). Точно так же порой на глазах пришедшего впервые в храм лежит «покрывало», не дающее ему видеть свои грехи и свою жизнь такой, какая она есть. Это одновременно и греховное нечувствие, и привычка ко греху, и отсутствие духовного зрения, и, не в последнюю очередь, – действие врага, которому подобная слепота на руку. Нередко добавляется и страх, мешающий христианину даже самому себе признаться в чем-то, так что сама мысль сказать об этом на исповеди кажется невыносимой.

Но вот человек приходит в храм, начинает исповедоваться и открывать свою душу… и вдруг ощущает ту внутреннюю свободу, которая позволяет ему признаться в том, о чем он не решался даже

подумать. Почему так происходит? У Иоанна Златоуста есть такое рассуждение: если ты скуп и тебе трудно дается добродетель милосердия, начни отдавать сначала ненужные вещи. Во-первых, ты приобретешь навык делиться хотя бы чем-то, во-вторых, за твой труд Господь будет тебе помогать. И начав отдавать то, что отдать не жалко, ты постепенно освободишься от своей страсти.

Благодать Божия ищет, к чему в нас можно привиться, что в нас есть способного ее воспринять. Иногда это происходит очевидным образом, иной раз – абсолютно непредсказуемо: мы вроде бы шли на исповедь с одним и неожиданно стали каяться совершенно в другом. Просто мы открыли один шлюз, а вместе с этим открылись и прочие. Мы пустили Бога в себя по собственной воле, и Господь, Которому мы отворили дверь, начинает производить в нашей душе те перемены, которые без Его пребывания не были возможными.

Не безжалостность, а любовь к себе

Есть такая присказка: не жалей себя, и тебя пожалеет Господь. Должна ли быть у человека, идущего на исповедь, безжалостность к себе? Я думаю, что в большей степени нужна любовь и забота о себе. Наше саможаление часто неоправданно. Болит у человека зуб – надо его вырвать, иначе будет только хуже. Зубная боль очевидна – она острая, сильная, но стоит удалить ее источник, как боль проходит. Если же человек неразумно жалеет себя, откладывая поход к стоматологу, то будет мучиться изо дня в день. В конце концов удалить больной зуб все равно придется, или, что еще хуже, он выпадет сам вместе с куском десны… Но ведь правильнее было бы отправиться к врачу сразу! И это не безжалостность – это здравый смысл и забота о себе. Гнойная рана, которую человек не вскрывает, постепенно убивает его. Умирать от гангрены гораздо тяжелее и страшнее, чем вскрыть нарыв вовремя… Так, по большому счету, и с исповедью.

Часть 4
О подготовке к исповеди

Господь, я и мой грех

Если говорить об исповеди как об элементе покаянного делания, то, безусловно, нужно научиться исповедоваться и относиться к исповеди правильно.

Об этом приходится напоминать очень часто – во время и после таинства Покаяния, иногда и до него, и отдельно в приходских беседах. И, тем не менее, это людям дается труднее всего. Не потому, что так сложно правильно исповедоваться, а потому, что нет основы, на которой исповедь строится, – нет соответствующей жизни.

Во главе угла должно стоять евангельское понимание того, как надо жить. В те моменты, когда мы поступаем, говорим или даже мыслим и чувствуем вопреки этому пониманию, мы грешим. Вслед за этим наступает осознание: я сейчас согрешил перед Богом и отдалил себя от Него. Рождается чувство вины. Не нужно его в себе заглушать, но следует дать ему достичь самой сокровенной глубины сердца, позволить соответствующему слову Евангелия ранить, уязвить душу и не прятаться от той боли, которая при этом возникает. Нет, это не должно носить характер экзальтации или быть сознательным саморазрушением, но – глубоким прояснением души, увидевшей свое подлинное состояние.

Ведь как мы зачастую живем? Что-то делаем, говорим, думаем, но вместо того, чтобы в какой-то момент остановиться и дать оценку совершённому, бежим дальше, стараясь не акцентировать свое внимание на том, что осталось позади, потому что так проще.

Но именно тогда и надо остановиться, чтобы понять, что такое даже малый грех: это не просто какое-то незначительное происшествие, но то, в чем я произвольно отступил от Бога, что я Ему предпочел. Как советуют многие отцы, в конце дня, готовясь к вечерней молитве, следует помыслить о своих грехах как о том, что явится и будет обличено на Страшном суде. И, вооружившись этим пониманием, судить себя самого не с точки зрения того, как живут остальные люди, тебя окружающие, а как бы уже предстоя перед престолом Божиим, когда каждый из нас услышит одно слово: либо

«приди», либо «отыди» (см.: Мф. 25: 34–46). Тогда даже незначительный грех будет восприниматься совершенно иначе.

Боль, которую мы чувствуем в момент покаяния и которая потом не забывается, помогает удерживаться от греха. Если же человек «заслоняется» от страдания, считая, что не нужно концентрироваться на том или ином неприятном моменте, он будет повторять свои грехи постоянно.

Итак, в первую очередь должно присутствовать правильное понимание греха и добродетели, затем – осознание того, что мы сделали вопреки этому пониманию, раскаяние и приход в храм с исповеданием перед Богом в присутствии священника.

Этому может предшествовать обращенное к Богу исповедание греха, – возможно, и неоднократное. Это правильно и хорошо. И, как мы уже говорили, с самим моментом покаяния в таинстве Исповеди должно быть сопряжено решение об изменении жизни и обдумывание, как именно сделать так, чтобы не оставить это решение нереализованным. Собираясь строить дом, надо заказать его проект, иначе придет время стройки, а мы не будем знать, из каких материалов и как его возводить, кого и на какие средства нанимать, и в итоге наше намерение пойдет прахом. Такое же по серьезности рассуждение необходимо и здесь. Это непростая работа, но таинство Покаяния дает благодатные силы для ее совершения. Вот для чего нужна исповедь и почему она важна.

Человек, который живет всерьез, не затрудняется тем, что ему на исповеди говорить. Весь вопрос в том, каким судом ты себя судишь: рассматриваешь ли свои грехи через перевернутую подзорную трубу, и они кажутся чем-то крайне далеким, или смотришь на них вблизи и поступаешь по слову преподобного Антония Великого[9], сказавшего, что все делание монаха – а по большому счету, и христианина – заключается в том, чтобы видеть свои грехи и приносить покаяние в них[10]. Есть Господь и есть ты. И между вами стоят твои грехи. Когда ты научишься так на них смотреть, то у тебя не будет иллюзий о себе и сомнений по поводу того, как к своим грехопадениям относиться.

Кратко или подробно исповедоваться?

Если говорить о словесном выражении покаяния, то как должен каяться человек? Есть люди, которые на исповеди просто рассказывают о своей жизни или еще чаще – жалуются, как у них все плохо. Другие перегружают свое покаяние множеством деталей, погребая в них суть того, в чем хотят попросить у Бога прощения. Бывает, что человек, исповедуясь, прямым или косвенным образом оправдывает себя – например, долго говорит о том, что точно знает, как надо было поступить, но вот он оплошал и поступил иначе. Впрочем, противоположной по характеру ошибкой является отсутствие какой-либо конкретики, когда исповедь звучит так: «Согрешил делом, словом, помышлением, гордостью, завистью, ненавистью, объядением, прелюбодеянием и т. д.» и на этом покаяние заканчивается.

Как же подойти к рассказу о своих грехах? Постараемся указать несколько основных моментов.

На исповеди необходимо говорить о том, в чем ты чувствуешь себя виноватым. В одном из эпизодов «Отечника» некий брат спрашивает своего духовного отца: «Авва! Чем мне заниматься в келье?» Тот отвечает: «Что тебя будет беспокоить, когда ты предстанешь на Страшный суд?» – «Мои грехи». – «Вот иди в келью и плачь там о своих грехах»[11].

Если попытаться применить этот совет к нашей жизни, то стоит спросить себя: зачем ты идешь на исповедь, по большому счету? Для того чтобы примириться с Богом, попросить у Него прощения за те грехи, в которых сознаешь себя виноватым. Если ты идешь не для этого – не ходи: твое покаяние будет формальным, бесполезным.

Если ты пришел к Богу с сокрушением о конкретных грехах, то и проси прощения за них, а не пытайся растворить свое покаяние излишними рассуждениями. Ведь если мы серьезно обидели человека, но, придя к нему, вместо того чтобы сказать: «Прости меня за то-то и за то-то», начинаем громоздить невесть что, не скажет ли он в конце концов: «Слушай, друг, зачем ты пришел? Я с трудом сдерживаюсь после того, что ты сделал, а ты еще какие-то кружева плетешь. Уходи,

пожалуйста». Бог нам так не скажет, но на самом деле все будет еще хуже.

Преподобный Иоанн Лествичник[12]говорит, что прежде чем встать на молитву, человек должен определенным образом подготовиться к ней и написать на хартии своего прошения правильные слова. А если он делает это не пойми как, невнимательно, рассеянно и без усердия, то его хартию порвут и бросят ему в лицо. То же самое может, образно говоря, произойти на исповеди, когда наша хартия с целым романом, на ней написанным, тоже будет порвана и брошена нам в лицо. И что самое страшное, мы можем этого даже не заметить.

Исповедь должна быть предметной, понятной священнику. Когда мы говорим: «согрешил делом, словом, помышлением» или «согрешил гордостью, гневом», абсолютно неясно, что за этим стоит. Мы лишь именуем страсти, которые живут и так или иначе проявляются в каждом человеке. На исповеди необходимо каяться в конкретных согрешениях, потому что только тогда мы сможем исправиться.

Не говоря уже о том, что за одним и тем же словом могут стоять совершенно разные вещи. Например, гнев (это, наверное, самый очевидный пример) может выражаться в крике, в вопле, в побоях, в том, что человек разнес вдребезги всю квартиру, или в том, что он просто кипел внутри и ни слова не мог сказать. Все это разные степени греха. Кроме того, если один и тот же человек раньше в гневе дрался, потом перестал драться и, разозлившись, только ругался, а постепенно отучился и ругаться и только зубами скрипит – это огромный прогресс! И если священник знает, что было раньше, и видит, что есть сейчас, то он понимает, что за этот гнев не надо ругать, а наоборот, следует сказать: «Ты молодец. Слава Богу, что так. Теперь еще перестань зубами скрипеть, а потом разберись с поводами, заставляющими тебя гневаться, пойми, что они ничтожны, и ты сможешь совсем от этого греха избавиться».

Иначе священник ничего пришедшему на исповедь сказать не может. И самому исповеднику зачастую сложно в себе разобраться: он чувствует, что как раньше его душил гнев, так и теперь душит. Только раньше он давал ему свободу и чувствовал себя полегче, а теперь он себя сдерживает и чувствует еще большую тяжесть.

Ему кажется, что от его труда толка нет – все стало не лучше, а хуже. Поэтому внятная исповедь очень важна.

Еще пример того, как непредметная исповедь может породить недоумение. Кается прихожанин: «Согрешил прелюбодеянием». Но я этого человека вижу в храме, он регулярно исповедуется и причащается, и он даже не женат, а предположить, что у него есть отношения с какой-то замужней женщиной, мне трудно. Спрашиваю: «А что вы имеете в виду?» – «Мне сон плохой приснился…» Это дает возможность разъяснить: нет, это не прелюбодеяние, это просто сон. Грех может заключаться в том, что в каких-то недолжных мечтах до отхода ко сну или по пробуждении сохранилось сочувствие к виденному, а в том, чтобы просто увидеть нечто нецеломудренное во сне, нет никакого греха. Но когда человек говорит без каких-либо разъяснений, ты никогда не поймешь, о чем именно речь. Он сказал: «Согрешил прелюбодеянием», ты ответил: «Хорошо, на год отлучен от Причастия». Конечно, это безумие и формализм с обеих сторон! Их не должно быть.

Есть вещи, которые требуют объяснения. Например, ты слышишь на исповеди: «Я избил человека». Что это? Хулиганство, за которое положено пятнадцать суток, а если нанесены тяжкие телесные повреждения, то и реальный срок. Но если человек объясняет, что он шел по улице, увидел, как кого-то бьют, вступился, завязалась драка, – это совершенно другая ситуация, правда? Или, например, человек приходит и говорит: «Я насмерть поссорился с Иван Иванычем». Что может священник сказать по этому поводу? Ничего, если исповедующийся не уточнит: «Я поссорился и не могу помириться, и чувствую, что даже не хочу». Другое дело, когда он говорит: «Я поссорился, потом мне стало стыдно, я тут же пошел, попросил прощения и примирился». Об этом нужно сказать, такие детали, объясняющие суть происшедшего, не будут лишними.

Надо говорить по существу, достаточно лаконично. Не нужны объяснения: «Я пошел в магазин, у меня болела голова, и поэтому я по дороге рассердился на человека, который облил меня грязью из-под колес своей машины. А в магазине я поругался с кассиром потому, что он меня пытался обсчитать…» Это лишнее. «Со мной поступили нечестно, и я не отнесся к этому спокойно, разозлился», или «машина окатила меня грязью, и я в сердцах выругался на водителя».

Когда христианин исповедуется регулярно, есть возможность тут же провести некую работу. «Вот ты сказал так, а как надо было поступить?» – «Промолчать». – «А еще как надо было поступить?» – «Так-то». Разбор ситуации является и ее врачеванием. Человек показал тебе рану, и ты предложил ему пластырь – это то, что совершается во время таинства Исповеди. Точнее – то, что должно также совершаться.

Исповедь – не время для советов?

Очень часто священнику приходится слышать от приходящих на исповедь повествование о скорбях, болезнях, каких-то обидах и неурядицах. Конечно, жалобы на жизнь и рассказ о том, как все плохо, – это ни в коем случае не исповедь, это – желание человека поделиться тем, с чем он не справляется сам, желание услышать слова поддержки, наставление, а иногда и просто выговориться. И пастырь, с одной стороны, не должен отталкивать того, кто вместо раскаяния в грехах решил поведать ему о своих печалях, потому что долг духовника – не только принять исповедь, но и утешить, и поддержать пришедшего. Однако, с другой стороны, на исповеди у священника может не быть на это времени и, самое главное, он не должен позволить христианину подменить одно другим, иначе тот останется без насущного хлеба, получив взамен если не камень, то черствую буханку.

И сам человек должен разделять исповедь и разговор о волнующих его проблемах. Если есть необходимость посоветоваться со священником, правильным будет попросить его уделить для этого время вне исповеди – после нее или же вообще в другой день, а перед аналоем с крестом и Евангелием должно приносить покаяние Богу (помня и о том, что наши грехи и жизненные трудности и беды теснейшим образом связаны).

Дневник как способ самоконтроля

Несколько слов по поводу подготовки к исповеди. Очень неразумно жить беспечно неделю, две, три, может, даже и месяц, а потом вдруг спохватываться: «Что произошло в моей жизни за это время и что творилось в моей душе?» и пытаться все это единовременно суммировать, проанализировать и принести на исповедь. Не то что за месяц – за несколько дней происходит много событий, и мы, не будучи внимательны, себя за это время упускаем.

Святого праведного Иоанна Кронштадтского[13]во время одной из его поездок по России собравшиеся на встречу с ним священники спросили, как вести внимательную жизнь, как меняться к лучшему, а не к худшему? Он сказал, что для него одним из способов самоконтроля и работы над собой является дневник. Дневник Иоанна Кронштадтского опубликован не целиком, мы имеем возможность знакомиться лишь с определенными выдержками из него, опубликованными в виде отдельных изданий, помимо отрывков, вошедших в книгу «Моя жизнь во Христе». Но даже читая только эти фрагменты, мы все равно видим непрерывную работу святого пастыря над собой, строгое обличение самого себя в мельчайших прегрешениях и немощах, искреннее раскаяние.

Наверное, для каждого подходящая форма самоконтроля будет индивидуальной. Но то, что можно порекомендовать однозначно, – это ежевечернее испытание совести и покаяние в тех грехах, которые мы допустили в течение дня. Об этом как о средстве хранения внимания к себе и средстве изменения себя говорит преподобный Никодим Святогорец в своей книге «Невидимая брань»[14].

Главное – человек должен не просто вспомнить, в чем он согрешил за день, и записать это по пунктам в тетрадочку – нет, необходимо обдумать: почему я впал в эти грехи? Как их можно было избежать? В чем была моя ошибка – попросту в невнимательности или в недостаточной строгости к себе? Понимая, как должно поступить, я все-таки поддался искушению, или обстоятельства были таковы, что я с ними не справился?

С одной стороны, надо попросить у Бога прощения и, с другой стороны, проанализировать, как быть, чтобы в эти грехи вновь не впадать. Внимательный к себе человек, памятуя о том, что было вчера, позавчера, третьего дня, – а он это помнит, если подобная работа происходит постоянно, – уже сегодня готовится к наступающему дню. Вот такой непрерывный цикл.

Собираясь же пойти в храм на исповедь, можно достать эту хранящуюся в каком-то укромном месте тетрадочку и просмотреть ее, приводя себе на память то, что в нее было записано. Конечно, и здесь можно соскользнуть на путь формальный: например, прочитывая свои записи подряд, не проанализировав их, по несколько раз говорить священнику об одном и том же разными словами. Естественно, все записанное должно быть как-то обобщено: если нам в наших записях встречается один и тот же грех в разных проявлениях, то нужно просто сказать, что этот грех не раз был нами совершен тем или иным образом.

Конечно, говоря о том или ином грехе, нужно понимать: одно дело, если это был срыв, которому предшествовала борьба, и другое, если человек грешил без конца, дав себе такое «разрешение». Об этом на исповеди тоже нужно сказать, это позволит священнику понять меру грехопадения и, что еще важнее, состояние души. Тогда он действительно сможет посоветовать что-то дельное, по-настоящему помочь.

Бывает, безусловно, и такая исповедь, которую достаточно лишь выслушать, ничего человеку не сказав, понимая, что он все должное делает сам, и можно только помолиться о нем и выразить поддержку, и этого будет достаточно. Но чаще с исповедниками приходится говорить, подсказывать, советовать. Некоторых нужно бывает, к сожалению, и обличить, отрезвить, и сделать за них то, чего они не сделали сами, и даже «напугать». Как? Напомнить о смерти, о том, что покаяние – не просто какая-то регулярная процедура, а серьезнейший момент в жизни. Хотя лучше, чтобы христианин обличал и отрезвлял себя сам.

Вечернее предстояние Богу

Помимо повседневного исповедания грехов, образец которого помещен в молитвослове в конце молитв на сон грядущим, можно в завершение вечернего правила обратиться к Богу своими словами, прося прощения за прожитый день, или же помолиться молитвой Иисусовой. И здесь, мне кажется, очень важно поступить по совету, который встречается у разных наставников Иисусовой молитвы. Перед тем как молиться, надо действительно от всего отрешиться, обо всем забыть и вспомнить об одном, о самом главном: однажды я умру, предстану перед Богом на Страшном Его суде и буду ждать того слова, о котором мы говорили выше: либо «приди», либо «отыди».

Я не знаю, что будет сказано мне, но по всей своей жизни (и в очередной раз меня в этом убеждают сегодняшние грехи) я понимаю, что достоин услышать «отыди», – и, скорее всего, так оно и будет. Но, зная это, я все-таки уповаю на милость Божию и, вставая на молитву, прошу об этой милости.

Это очень важная часть покаянного делания, которое должно охватывать собой всю жизнь христианина. Такое предстояние пред Богом – уже не столько подготовка к таинству Покаяния, сколько само покаяние. Если христианин молится из подобного осознания собственного недостоинства, то и молитва, и исповедь его будут принципиально иными – живыми, неформальными. Характер молитвы, обращения к Богу и характер исповеди теснейше связаны.

Часть 5
Распространенные вопросы и недоумения

Фатальная ошибка родителей

Есть люди воцерковленные, живущие церковной жизнью, они исповедуются регулярно, и есть те, кто приходит впервые или очень редко. Это две разные группы, и каждая из них требует определенного подхода. Кроме того, есть еще дети и престарелые люди, у которых уже начались определенные возрастные изменения. Скажу вкратце о некоторых особенностях исповеди каждой из этих групп.

В отношении детской исповеди самое главное – постараться научить ребенка подходить к таинству Покаяния неформально. Самым строгим образом надо запретить родителям писать исповедь за ребенка, диктовать ему, подсказывать: «А ты вот в этом согрешил и еще в этом». Почему? Потому что эти «надиктованные» исповеди не имеют ровным счетом никакой ценности. Ребенок должен прийти с самостоятельным желанием, пониманием, почему и в чем он хочет исповедоваться. И если родители не смогли правильно объяснить ему, что такое исповедь и зачем она нужна, то подобное объяснение должен дать священник.

К сожалению, порой приходится видеть детей, которые свою исповедь словно пишут под копирку: если в семье брат и сестра, то брат скажет, что обижал сестру, а сестра – что обижала брата, и очевидно, что кто-то такое «покаянное делание», как некую программу, вложил в их головы. Естественно, никакой живой христианской жизни у этих детей не будет. Родители, которые пытаются исповедоваться за своих детей, оказывают им самую настоящую медвежью услугу.

Пожилые люди на исповеди

Что касается людей пожилых и тех возрастных изменений, которые с ними происходят (хотя бывают пожилые люди с сознанием куда более ясным, чем у любого молодого человека, – и сознанием, и мерой ответственности, и цельностью личности), то тут священник должен подходить к такому человеку с особой деликатностью.

Если пожилой человек плохо слышит, священнику приходится достаточно громко говорить, и исповедующийся в ответ тоже громко кричит. Может быть, ему самому уже и не важно, слышат прихожане о его грехах или не слышат, но у людей, ставших свидетелями такой громкой исповеди, скорее всего, возникнет опасение: вот сейчас его слышат все, а меня – тоже?..

В одном монастыре в Москве был старенький батюшка, который совершенно непроизвольно и не имея такого намерения, приближал частную исповедь к публичной. Он сам был глуховат и очень громко говорил. Поэтому регулярно повторялись такие ситуации: подходит на исповедь какая-нибудь девушка, и он, вслушиваясь, кричит на весь храм: «Что? Соблудила? Да как же так!» И эта девушка, красная, как вареный рак, отскакивает от аналоя и бежит к выходу.

Если кому-то придется самому на исповеди оказаться в такой ситуации, не надо осуждать старенького и плохо слышащего батюшку. Лучше выбрать того, который хорошо слышит и не повторяет каждое сказанное слово вслух, чтобы лучше его разобрать.

Желательно, чтобы исповедующий священник следил за тем, каково расстояние между аналоем с крестом и Евангелием и людьми, стоящими в очереди. В некоторых храмах я наблюдал, как люди подступают все ближе и ближе к аналою, так что мне приходилось периодически оборачиваться и просить: «Отойдите, пожалуйста, назад». Ведь и сами они не хотели бы, чтобы в момент исповеди у них за спиной кто-то стоял и слышал каждый вздох, а не только каждое слово. Конечно, прихожанам нужно объяснять: если ты не стараешься сделать так, чтобы не слышать чужую исповедь, ты сам виноват в том, что ее слышишь.

Что, если тяжесть не уходит?

Порой человек после исповеди говорит: «Я исповедался, но не получил никакого облегчения. Раньше после исповеди мне становилось легче, а сейчас – тяжело на душе». Здесь надо разбираться.

Во-первых, если человек считает, что после того, как он исповедался, у него автоматически должна упасть тяжесть с души, он не прав. Он ждет действия благодати. Но благодать может явиться ощутимым образом, а может не явиться.

Во-вторых, надо себя испытать: а действительно ли ты во всем искренне и от сердца покаялся? Действительно ли решил то, в чем каялся, изменить? Или принес это на исповедь, но решил в своей жизни ничего не менять? Или покаялся, но вообще ничего не решил? Значит, исповедь твоя несовершенна, неполна, ты держишь что-то за спиной и не показываешь Богу, и поэтому, конечно, и не ощущаешь воссоединения и примирения с Ним.

Но если ты себя испытал и понимаешь, что ничего подобного нет, и исповедь твоя и искренняя, и откровенная, ты действительно желаешь измениться, но не чувствуешь ни радости, ни легкости, то ты должен подумать вот о чем: Господь может дать тебе радость или не дать ее, в зависимости от того, что тебе полезнее.

Вообще же, исповедавшись, вспомни одну очень важную истину: ты покаялся перед Богом, попросил у Него прощения – и ты прощен. Вера в это, сознание, что это так, и должны, в сущности, давать тебе ту радость, лишение которой ты ощущаешь. В таинстве Исповеди присутствует и действует благодать Божия, но здесь есть место и нашей вере – составляющая человеческого участия необходима. Если ты каешься, но не веришь в прощение, то его и не будет.

Я уже приводил где-то пример из жизни преподобного Силуана Афонского[15], но повторю его снова – он, как мне кажется, очень важен. Умирает на Афоне в Пантелеймоновом монастыре старый монах. Его духовный отец в отъезде, на монастырском подворье. И вот этот монах лежит на смертном одре, исповедуется у кого-то из местных отцов, но и после этого мучается и не может умереть,

томится, чувствует, что грехи ему не прощены. Возвращается его духовник. Монах исповедуется у него, успокаивается и тихий, умиротворенный, даже радостный умирает. Преподобного Силуана спрашивают: как так может быть? Ведь исповедь – это таинство, какая разница, кто его совершает, если на самом деле его Совершитель – Господь? Преподобный Силуан отвечает, что таково было отношение умершего монаха к своему духовному отцу, и это – его немощь. Пока он каялся чужому священнику, он не мог поверить в то, что прощен, и он не был прощен. Когда же приехал его духовник, которому он доверял и к которому был расположен, его душа ощутила облегчение: он поверил в прощение и обрел его.

Это, безусловно, немощь, которая коренилась и в простоте этого человека, и в неправильном понимании христианской жизни. Но если такова была немощь афонского монаха, тем более это часто бывает в жизни мирских людей.

Почему важно верить в исправление

Есть другой пример из древнего церковного предания: некий человек приходил в храм, становился перед иконой Спасителя на колени и просил у Него прощения за тяжкий грех. Выходил из храма, вновь впадал в этот грех, возвращался, плакал, просил прощения, обещал, что больше никогда так не поступит… Это продолжалось очень-очень долгое время. В конце концов он пришел, совершенно измученный своими беспрестанными падениями и обещаниями, встал на колени перед иконой и взмолился: «Господи, я Самого Тебя призываю в свидетели на Страшном Твоем суде, что я никогда больше этот грех не совершу!» Вышел, снова впал в тот же грех, вернулся в храм, в покаянии встал на колени перед иконой и умер перед ней. И вот одному святому было открыто, как дьявол говорил об умершем: «Он – мой! Он столько раз согрешал и столько раз обманывал Бога, и даже призвав Его в свидетели на Страшном суде, он снова впал в тот же грех!» А Господь отвечал на эти слова: «Если ты, будучи зол, столько раз принимал его, то неужели его вновь не приму Я? Этот человек имел покаяние и желание исправиться до самого последнего вздоха. И даже в тот момент, когда он снова согрешил после таких страшных обещаний, он не впал в отчаяние, не разуверился в Моей милости, в Моей любви, но с упованием пришел, чтобы покаяться и вновь положить начало другой жизни».

Желание другой жизни – это критерий истинного покаяния. Этот грешник не бежал со своим грехом от Бога: он шел, снова падал и снова просил о прощении и о возможности встать.

В его жизни самым непосредственным образом проявилось то, о чем мы слышим в диалоге египетского отшельника, преподобного Сисоя Великого, с одним из монахов. Брат приходит и говорит: «Авва, я пал». – «Встань». Тот говорит: «Я снова пал». – «И снова встань». – «Снова пал». – «И снова встань». – «И сколько раз так мне вставать?» – «До кончины твоей»[16].

Если же человек, согрешив очередной раз, говорит себе: «Я потом обязательно буду падать еще и еще», то есть принимает свое падение как неотъемлемую часть своей жизни, – это может его погубить. А

если он, невзирая на предыдущий опыт, впав в грех, поднимается и говорит: «Я хочу идти, а не падать!», и верит, что это действительно возможно, то он не отлучен от спасения. Он может и должен на него уповать обязательно, потому что без этого упования, как без крепкого якоря, как называет его апостол Павел (см.: Евр. 6:17–20), человека сорвет, унесет, и он погибнет в пучине.

Преподобный авва Дорофей[17]учит, что нужно испытывать себя не только утром и вечером, но и в течение дня, потому что мы невнимательны и нам не хватает этих двух моментов самоиспытания. Надо останавливаться и рассматривать себя – где ты и что с тобой? Или, как поступал один из старцев в Отечнике, то и дело в течение дня спрашивать свою душу: «Где ты, душа моя? Что ты делаешь? Где мы с тобой находимся?»[18]

Преподобный Никодим Святогорец говорит, что если мы согрешили в течение дня, не надо ждать, пока наступит вечер и мы встанем перед иконами и будем каяться перед Богом, ни тем более ждать времени исповеди. Ты осознал, что согрешил? Сейчас же перед Богом покайся. Преподобный Никодим пишет: кайся до тех пор, пока не почувствуешь себя виновно-милуемым, то есть ощутишь горечь вины и одновременно – милость Божию, которая открывается только кающемуся сердцу.

Еще одно из его наставлений: даже если ты за день сто раз совершил один и тот же грех, то и в сотый раз кайся, как в первый – с намерением исправиться и с верой в прощение Божие.

Только тогда ты сможешь измениться, другого пути нет[19].

О правильном отношении к духовнику

Вернемся к истории афонского монаха. Разве не естественно, что исповедь у духовного наставника и исповедь у другого священника – разнятся?

Да, разнятся, но в силу определенной человеческой немощи. Важно, чтобы в таинстве Покаяния для человека все отступало на второй план, и он понимал: то, что происходит сейчас, совершается между ним и Богом. Непонимание этого говорит о немощи веры и несовершенстве устроения. Нельзя за это себя винить, укорять, но нужно стараться в течение всей жизни это в себе исправлять. Это не значит, что необходимо воспитывать в себе холодность к людям, тем более к духовно близким, отчуждаться от них, нет. Но надо учиться понимать, что нельзя никого ставить рядом с Богом.

Для того чтобы увидеть Бога, пророк Моисей должен был стать в расселине скалы (см.: Исх. 33: 18–23). Интересный момент: именно в расселине, то есть там, где второй человек не поместился бы. Пока рядом люди, они могут в какой-то степени помочь тебе, подвести к чему-то, но один на один с Богом ты не окажешься. А с Богом надо быть наедине.

Мы – Церковь, единое целое, Тело Христово, но в то же время отношения каждой человеческой души с Богом – личные. Молитва церковная, так называемая общественная – очень важна. Но наше личное обращение к Богу не менее ценно, оно должно совершаться постоянно, и никто другой не должен в него вмешиваться. Духовник должен отступать на второй план – и сам, и ты должен понимать, что он в данном случае на втором плане. Иначе личность духовного наставника в твоих глазах вырастет и заслонит от тебя Бога, а этого не должно быть ни в коем случае.

Как быть, если чувствуешь, что для тебя существенна человеческая сторона таинства Исповеди, например, важно, чтобы священник тебя по-настоящему понял? С одной стороны, это понимание и вправду необходимо, чтобы священник мог помочь нам работать над собой, идти тем путем, которым мы должны идти. Но это не имеет отношения к нашему покаянию перед Богом. Это немного из

другой области. На исповеди мы должны искать не понимания, а прощения наших грехов, и о нем просить Бога. Если же мы в таинстве Покаяния ищем сочувствия, участия священника, то это все – человеческая немощь, это – ошибка.

Безусловно, бывает, что общение с конкретным священником помогает какие-то вещи глубже понять, ощутить. Но это период становления, период духовного детства. После него нужно идти дальше – как бы поднявшись на следующую ступеньку. Не так, что, мол, раньше для меня духовник был важен, а теперь я способен идти сам, поэтому я забыл, кто он такой. Нет. Но вместе с тем должно быть четкое разделение: есть свидетель и есть Тот, перед Кем мы приносим покаяние.

«Се, чадо, Христос невидимо предстоит, приемля исповедание твое» – эти слова перед исповедью, которые люди зачастую не понимают, обязательно должны доходить до сознания. Священник обязан их доводить, и сам человек прежде, чем стать перед аналоем с крестом и Евангелием, должен привести себе на ум: вот, я предстою Христу и исповедую перед Ним свои согрешения. Он действительно здесь, и я действительно перед Ним. Здесь и сейчас я могу оправдаться в преддверии Страшного суда, принося покаяние.

Нередко человек, исповедав какой-то грех, замолкает и смотрит на священника, как бы ожидая от него ответа, реакции или пытаясь понять: осуждает он меня за то, что услышал, или нет? Это лишнее. Не надо, вспомни, что ты находишься перед Богом, и не переоценивай человеческого участия.

Как преодолеть суету и спешку

Очень важно перед исповедью молиться. Молиться и о прощении согрешений, и о том, чтобы Господь помог покаяться с сокрушением сердечным и дал силы к исповеданным грехам не возвращаться. Исповедь не должна быть подобна окунанию – нырнул в воду и тут же из нее выскочил. Нет, прежде ты проделываешь какой-то путь, потом входишь в воду, плывешь и, доплыв до другого берега, выбираешься на него. Это процесс.

Как мы порой заходим в храм? Нередко – опаздывая куда-то, спеша, так что момент входа и выхода из храма ускользает от нас (так же, как, например, момент вхождения священника в алтарь). А как должно быть? Входя, ты должен вспомнить, что собираешься сделать. Как перед молитвой необходимо от всего упраздниться, обо всем забыть и вспомнить, Кому ты предстоишь, так же и перед исповедью: обо всем забыть, кроме того, в чем ты сейчас хочешь покаяться перед Богом. Это предельно важно.

Можно сказать, что этому препятствуют многие внешние факторы: и состояние других людей, ожидающих исповеди, и настроение священника, и стесненность во времени. Все это – осложняющие моменты, и они могут сбивать человека с толку, но единственный, на мой взгляд, способ преодолеть их – за пределами таинства Исповеди жить в покаянии перед Богом. Тогда и во время совершения таинства все будет хорошо; даже если ты чего-то не сможешь в момент самой исповеди вспомнить, то не упустишь этого впоследствии.

Литургическое богословие пытается определить, что в какой момент Евхаристии происходит. Но сколько бы мы ни старались эти моменты обозначить, нельзя сказать: во время этой молитвы совершается самое важное, поэтому отбрасываем другие части Евхаристии, этого достаточно! Нет, по большому счету вся Евхаристия – единое целое. То же можно сказать и о нашей христианской и церковной жизни. В ней важно все.

Поэтому, если покаянием проникнута вся наша жизнь, оно никуда не денется и в момент исповеди, каковы бы ни были внешние факторы.

Условно говоря, храм загорится, а покаяние будет пребывать в нашем сердце. Если человек еще до того, как прийти на исповедь, все оплакал и, что называется, все слезы выплакал, к аналою с крестом и Евангелием он принесет одно словесное исповедание, потому что все, что должно было в его сердце произойти, уже произошло. Бывает и иначе, хотя реже: человек сначала исповедуется, потом оплакивает свои грехи. Но правильнее, конечно, наоборот.

Есть люди (в большей степени это касается женщин), которые имеют странное убеждение, что если ты на исповеди не плакал, то ты и не исповедовался. Такое убеждение приводит порою к совершенно недолжной вещи, когда человек приходит на исповедь и начинает из себя слезы буквально выжимать, доводит себя до состояния истерики, всхлипывает, рыдает, при этом каясь не в каких-то страшных преступлениях, а в повседневных грехах. И видно, что он попросту накручивает себя. Но Богу истерика не нужна. Богу нужны искреннее покаяние и труд, а состояние экзальтации никакого отношения к этому не имеет. Кающийся может горько плакать на исповеди, чувствуя боль и леденящий сердце ужас своих грехов. Тогда слезы хороши – они очищают душу. А рыдания придуманные – только во вред. Такой исповедник, по сути, лжет самому себе, Богу, священнику, а от реальной исповеди уходит. На самом деле он старается показать: я настолько хороший, что даже плачу. И как я совершил все эти грехи, просто не знаю…

«Я грешу» или «я согрешил»?

Помимо сказанного, важно еще вот что: надо говорить о своих грехах не в настоящем времени – «я грешу тем-то и тем-то», – а в прошедшем. Почему так?

Приходя на исповедь, ты как бы проводишь черту, говоря себе: до этого момента я грешил, но больше не хочу этого делать. Когда же ты говоришь «я грешу», то в этом не прочитывается намерения что-либо изменить – «грешу и буду грешить!». Конечно, это лишь словесная формулировка, но надо знать, что она порождается нашим сознанием и в то же время влияет на него. Вот почему немаловажно сказать себе: то, в чем я каюсь, я оставляю позади, за спиной, и дальше хочу жить по-другому.

Возникает вопрос: как же быть с грехами многолетними, которые не сразу изживаются? Здесь можно сказать себе так: я по опыту знаю, что, возможно, в силу своих навыков, привычки еще не раз буду поскальзываться и падать. Но я больше не хочу падать и приложу ради этого все усилия. Вот человек катается на коньках – знает ли он, что может упасть? Знает. Для чего же он встает на коньки – чтобы падать или чтобы кататься? Скажи кто-нибудь: «Я пошел на каток падать», мы бы подумали, что он не в своем уме… Тот, кто регулярно тренируется, учится держать равновесие, падает все реже и реже. Это нормальный результат катания на коньках. И нормальный результат христианской жизни – поскальзываться и согрешать все реже и реже.

По мере того, как человек углубляется в дело покаяния, он начинает видеть себя гораздо лучше и судить себя гораздо строже. Он сознает метафизическую основу греха, его суть и значение, он способен оплакать состояние своей души, даже не имея на совести тяжких грехов. Он понимает, какие силы и возможности дает ему Господь для того, чтобы сохраниться от греха, и, поступив в чем-либо против совести, будет скорбеть об этом падении, как бы ничтожно оно ни было.

Чем чище квартира, тем заметнее в ней любая пылинка. На гладкой поверхности бросается в глаза любая царапина. Вспомните образ души, который предлагает святитель Игнатий (Брянчанинов)[20].

Если душа подобна исполосованной поверхности – добавь туда хоть десять царапин, что за беда? Она и так никуда не годится. Но добавь одну царапину на гладкую полированную плоскость – и это уже трагедия. Святые видели в себе образ и подобие Божии, которые со временем начинали в них проявляться, – и страшно им было запятнать эту красоту, эту чистоту.

У архимандрита Иоанна (Крестьянкина)[21]в одной из проповедей была такая мысль: если гневаешься на ближнего из-за чего-то серьезного, споришь с ним из-за чего-то стоящего, это можно понять. Но из-за мелочей, ерунды – не гневайся, не спорь, не враждуй. То же и с грехом: если ты впал в большой грех, не выдержал сильного искушения – это одно, потому что страшен грех, но понятна и сила искушения. Когда же ты падаешь из-за какой-то мелочи, то спроси себя: неужели эта ерунда оказалась для меня важнее, чем Бог? Такие вопрошания к самому себе для человека, стремящегося к святости, становятся поводом осудить и смирить себя, ощутив боль от того, какова твоя душа и сколь мала твоя любовь к Богу.

Весь вопрос в том, какой путь выбирает для себя христианин – тесный и узкий или пространный и широкий и в конечном итоге – гибельный (см.: Мф. 7:13–14). Этот выбор и определяет отношение к таинству Исповеди.

Часть 6
Опасность формальной исповеди

Почему нельзя ничего скрывать

Порой человек, завершая свою исповедь, говорит: «Я исповедовался во всем, в чем собираюсь исправиться». Ты спрашиваешь его: «А в том, в чем не собираетесь исправиться, не исповедовались?» – «Нет». – «Почему?» – «Ну, я же не собираюсь пока эти грехи оставлять, зачем о них напрасно говорить?»

На первый взгляд кажется, что подобный подход основывается на желании быть честным: я говорю на исповеди о том, в чем раскаиваюсь, а те грехи, с которыми не собираюсь расставаться, не называю. Но какой смысл, придя к врачу, сказать: «Я знаю, что у меня есть такие и такие болезни, но эти я сейчас буду лечить, а вот этими пока еще поболею»? Конечно, здравым такое рассуждение не назовешь.

Многие стыдятся говорить о каких-то своих грехах и утаивают их, предпочитая из раза в раз на исповеди промолчать, а потом, может быть, даже и забывают о них. Но то, о чем мы умолчали, – это неисцеленная рана. Это крючок, которым враг будет улавливать человека и тянуть его к себе, как рыбу, заглотившую наживку. Только рыба может вырваться, порвав леску, а нам враг вырваться не даст.

Я когда-то услышал мысль, которая показалась мне очень близкой: если человек не исповедует какие-то грехи из-за стыда, по самолюбию, потому что не хочет, чтобы о нем плохо думали, это его общая тайна с врагом – то, что он утаивает от Бога, от Которого, впрочем, ничего утаить невозможно. А когда человек о постыдном, тяготящем его грехе говорит, он расторгает свой союз с врагом нашего спасения и освобождается или, по крайней мере, делает огромный шаг к освобождению. Да, враг еще может его беспокоить, может на него нападать, но нет уже того тайного согласия, которое их – человека и врага – держит вместе.

Не случайно перед исповедью звучат слова увещания: «Аще что утаиши, сугуб грех имаши» – не просто грех, а сугубый, двойной. Поэтому на исповеди очень важно говорить о том, о чем сказать трудно. Может быть, даже в первую очередь стоит открыть самое болезненное, не оставляя на потом. Иногда человек откладывает

«трудное» на конец исповеди (особенно если это исповедь во время литургии, когда время и у священника, и у исповедника ограничено: надо успеть до Причастия), но в какой-то момент священник говорит: «Ну все, остальное – в следующий раз, ты исповедовался, иди причащайся». И человек с «легким сердцем», не сказав самого главного, самого трудного и стыдного, идет причащаться. А сердце-то – оно только в этот момент легкое, потому что страх отступил, потому что можно уже не произносить то, о чем говорить страшно, а потом сердце опять становится тяжелым. И снова появляется ощущение, что жизнь не в радость.

Есть еще одна причина говорить о грехах, с которыми не готов бороться. У человека, может быть, никогда и не хватит сил и решимости на эту борьбу, но, когда он кается, Господь получает возможность помогать ему, поскольку человек проявляет произволение – говорит о своем зле, не скрывает его. В этом мужестве и доверии Богу – залог освобождения. Когда бывает особенно стыдно и трудно говорить о своих грехах – о тяжких, постыдных, неприятных, – то нужно обязательно вспоминать о том, что священник – тоже человек. Приводить себе на ум слова апостола Петра Корнилию сотнику, когда тот пал перед ним на колени, а апостол сказал ему:*Встань; я тоже человек*(Деян. 10: 26).

Священник знает и свою немощь, и потому не должен судить немилосердно немощь чужую.

У преподобного Силуана Афонского есть такая мысль: тот, кто подвизается и узнаёт свою слабость, уже не судит другого строго, потому что видит, насколько сам немощен и насколько трудно удержаться от греха. Это знание наполняет его сердце состраданием и любовью к ближнему. Если же мы не находим этого в священнике, которому исповедуемся, если он оказывается жестокосердным или неопытным и к нашей боли от стыда прилагает еще и боль осуждения, укоряет нас – это нужно принять как лекарство, которое, может быть, в следующий раз удержит нас от греха. Но бояться этого не надо. Если священник так поступил, это повод для переживания и расстройства в большей степени для него самого, чем для нас. Для нас главное другое – мы открыли перед Богом то, что тревожило нашу совесть.

Когда лучше – без деталей

К разговору о стыде: не нужно исповедовать подробно грехи против целомудрия. Рассказ о них не должен носить характер живописания, изобиловать деталями – достаточно назвать грех в общих словах. Сегодня можно найти целый ряд «пособий» по исповеди, которые настолько подробно описывают некоторые виды плотских прегрешений, что исповедь рискует превратиться в какой-то нехороший рассказ. Этого нужно избегать, чтобы не навредить лишний раз и священнику, и себе самому. Вспомним: преподобная Мария Египетская, повествуя о своей прежней, беззаконной жизни, не сообщала авве Зосиме ее деталей.

Плотские грехи, как говорят святые отцы, не надо вспоминать по виду. Достаточно осознать свой грех и сказать о нем по существу – так, чтобы было понятно, о чем идет речь, но без подробностей, чтобы не возобновлять в самом себе ощущения содеянного и вновь не осквернять ум и сердце.

Бывает, впрочем, что воспоминания о каких-то вещах преследуют и не отпускают человека. Тогда, по необходимости, он может рассказать о них на исповеди подробно. И священнику нужно быть готовым понести подобный труд.

Оплакать грех… и идти вперед

Многие постоянно каются в старых, многократно исповедованных грехах. Скорбят об этих грехах, возвращаются к этим воспоминаниям и как бы самих себя не могут простить, но при этом забывают о дне сегодняшнем. Все их покаянное чувство обращено в прошлое. А в настоящем происходят нестроения, которых можно было бы избежать, просто повернувшись к ним лицом.

Прошлое остается в прошлом. И надо, покаявшись, жить в настоящем, избегая старых грехов и не совершая новых. Если человек идет задом наперед, он будет биться обо все, что попадается на пути, регулярно падать, рискуя свалиться в грязь… Не стоит возвращаться к давно оставленному, надо каяться в том, что было совершено с момента последней исповеди.

Бывает, конечно, что в памяти неожиданно всплывает какой-то тяжкий грех, и человек остро чувствует боль от этого. Да, он уже исповедовал его раньше, но не ощущал в такой степени ужас и отвращение. Тогда действительно имеет смысл снова сказать о нем на исповеди.

Мне запомнилось одно из писем игумена Никона (Воробьева)[22]к его духовной дочери – монахине ли или просто женщине, подвизавшейся в миру, – которая тяжело болела и уже приблизилась к смерти. Он советует ей: в то время, которое у тебя еще осталось, когда тебе будут вспоминаться какие-то грехи, наиболее тяжкие, вставай и молись о прощении каждого из этих грехов. Молись до тех пор, пока ты не почувствуешь, что сердце твое умирилось, пока не ощутишь свою совершенную безответность перед Богом и одновременно Его непостижимую милость к тебе.

Может показаться, что это очень полезный и необходимый совет лишь для того, кто готовится перейти в мир иной, но на самом деле он вообще очень ценен при подготовке к исповеди. Крайне важно о наиболее тяжелых и ранящих нас прегрешениях не только сказать на исповеди, но и оплакать их прежде исповеди и помолиться об их прощении. Молиться утром, днем, вечером, молиться в то время, когда память о них уязвляет сердце, чтобы произошло так называемое

расторжение союза с грехом и с миром темных падших духов, который стоит за каждым грехом. Это и есть главная цель покаяния: расторгнуть наш союз с грехом и с врагом и возобновить союз с Богом. Это то, что должно происходить во время исповеди.

Генеральная уборка души

Каждому, кто ходит в храм и регулярно исповедуется, известно словосочетание «генеральная исповедь», или исповедь за всю жизнь.

Откуда такая традиция? Во-первых, в древние времена человек, готовясь к принятию таинства Крещения, исповедовал все совершенные им прегрешения. Сегодня мы возобновляем эту практику. Приходящий ко Крещению должен понять, с чем он расстается в своей прежней жизни – жизни до Бога, до Церкви, до обращения ко Христу. Но, с другой стороны, новоначальный христианин далеко не все видит и не все понимает в себе, и его первая исповедь обнажает, как правило, только вершину айсберга.

В основе этой традиции – еще и та исповедь, которую приносит послушник перед монашеским постригом. На подготовку к ней дается время, чтобы припомнить всю жизнь и принести покаяние за грехи, совершенные до сего дня, причем не важно, исповеданные или нет. Генеральную исповедь приносит и ставленник – человек, рукополагаемый в священный сан.

И дело не в том, чтобы назвать каждый-каждый грех, дабы никакой из них не был нам «предъявлен» на Страшном суде. Нет, невозможно вспомнить решительно все свои слова, дела и мысли, речь идет лишь о некой «генеральной уборке» своей души (отсюда и слово – «генеральная исповедь»). Это очень серьезный и важный труд. Такая же исповедь, как постригаемому послушнику или будущему священнослужителю, по моему глубокому убеждению, необходима любому человеку, пришедшему в Церковь. Почему?

Во-первых, каких-то грехов он прежде не осознавал, какие-то грехи не замечал в себе и поэтому не мог сказать о них на исповеди или же говорил, не понимая по-настоящему того, о чем он говорит. Во-вторых, готовясь к генеральной исповеди, кающийся вдруг видит всю свою жизнь в целом. Мне много раз приходилось наблюдать, как человек, который раньше спрашивал: «За что мне это, за что мне то?», после такой исповеди говорил: «Почему Господь меня еще терпит?» Он начинал видеть четкие закономерные связи между событиями: я сделал в жизни то-то и то-то, поэтому произошло вот это. Это видение

духовных связей, открывшееся благодаря исповеди, с человеком остается.

И, конечно, если речь идет о конкретном духовнике, у которого человек исповедуется, то и он в этой исповеди узнает человека так, как не знал раньше. И, узнав его глубже, обретает понимание – как лучше ему помочь.

Генеральная исповедь может быть необходима не единожды. Иногда христианин, который исповедуется регулярно, вдруг осознаёт, что его исповедь поверхностна, он кается в одних и тех же грехах и перемен не видно. Тогда ему также полезно предпринять генеральную уборку души и в ходе ее пересмотреть свою жизнь и увидеть не только конкретные грехи, но и действие в себе страстей, свои духовные проблемы, свою болезнь. Время от времени это надо делать, причем лучше не спонтанно, а более или менее регулярно (ведь и уборку в доме мы должны делать не тогда, когда квартира заросла грязью и стыдно гостей позвать, а регулярно). С какой периодичностью? У всех по-разному. Чем внимательнее живет человек, тем реже возникает необходимость в такой исповеди – ведь тому, кто поддерживает в доме чистоту и кладет вещи на место, не приходится много убираться.

Как-нибудь потом…

Часто исповедь откладывают на неопределенное время по разным причинам: нет времени, плохо подготовился, хронически устал…

Особенно часто медлит с покаянием тот, кто серьезно согрешил. Вместо того чтобы тут же прийти на исповедь, он уговаривает себя: «Потом пойду, сейчас мне очень плохо. И вообще это не к спеху!» А дальше у большинства срабатывает крайне подлый (по отношению к самому себе) механизм: я один раз согрешил, все равно мне в этом каяться, согрешу еще раз! Самое простое: съел постом скоромную пищу – так и так в этом исповедоваться, съем еще! Какое-то страшное лукавство.

Одно дело – грех, совершенный единожды, в который человек буквально сорвался, а другое дело – грехи, которые он повторяет вполне сознательно. Мы читаем о падениях подвижников, когда они тяжко согрешали, охваченные неудержимым порывом, и – тут же вставали, шли дальше, будто и не падали. А вот когда человек пал и продолжает жить в своем падении – это самое тяжелое и разрушительное положение.

Не лукавить перед Богом

Важнейший момент: не нужно себя на исповеди жалеть. Бывает, человек исповедуется и начинает себя оправдывать: «Как же мне, бедному, плохо, как тяжело на душе!» Едва не плачет – но только не о грехах, а над самим собой. Есть такой принцип в духовной жизни: не жалеешь себя – тебя пожалеет Господь, жалеешь себя – можешь лишиться сострадания Божия.

Нельзя грешить в надежде на исповедь. Как говорит великий христианский учитель преподобный Исаак Сирин[23], тот, кто грешит, надеясь покаяться, лукаво ходит перед Богом и может быть в любой момент восхищен из этой жизни. Поэтому не стоит обещать самому себе: «Согрешу, а потом покаюсь». Люди нецерковные и неверующие так и говорят: «Хорошо у вас в Церкви все устроено: сначала согрешишь, потом покаешься!»

Хорошо еще, если человек, приняв такой искусительный помысл, тут же спохватывается и начинает себя винить: «Какую же я глупость совершил! Господи, прости меня!» Здесь есть искренность. Другое дело, когда раскаяния нет, и человек готов и дальше следовать этой лукавой логике. Это уже настоящее коварство перед Богом, и оно может плохо закончиться.

Встречаются и такие люди – их очень жалко, – которые приходят и говорят, к примеру: «Я изменяю жене… Но сейчас пост, и я бы хотел причаститься, поэтому постом я буду сохранять ей верность». – «А когда пост закончится?» – «Наверное, буду изменять…» Здесь мало оснований для того, чтобы допустить до Причастия принесшего такую исповедь… Впрочем, та же ситуация может иметь иную подоплеку. Бывает, что человек признается: «Не могу остановиться», и священник может пойти на некоторую хитрость и сказать: «Сейчас пост, воздержись хотя бы постом». Если человек проявляет какое-то усердие и действительно удерживается, я могу допустить его до Причастия, но не с тем, чтобы, когда пост закончится, он вернулся к своим прежним грехам, а с тем, чтобы он удержался от них и впоследствии. Казалось бы, ситуация одна и та же, но разные направления человеческой воли. В первом случае это попытка договориться с Богом: «Господи, я

сейчас не грешу, причащусь, а потом буду грешить, но Ты на какое-то время обо мне забудь». А во втором случае это снисхождение к немощи и помощь, чтобы согрешающему в конце концов достало сил не грешить.

И священнику порой приходится говорить: «Я тебя в твоем нынешнем состоянии допускаю до Причастия, – хотя и не должен был бы, – если ты обещаешь держаться изо всех сил. И знай, что если ты не удержишься, упадешь, то и я буду отвечать за это. Так что ты меня не подводи, пожалуйста». Да, иногда и так нужно сказать, чтобы воздействовать на то, что в человеческой душе способно откликнуться, и хотя бы таким образом, как бы сняв часть тяжести с кающегося и взяв ее на себя, его поддержать. И нередко это помогает.

Но если мы видим, что тот, кому мы поверили, раз за разом подводит нас в этом отношении, то оснований для подобной мягкости остается гораздо меньше.

Разворот от тьмы к свету

Что происходит на исповеди? Мы говорим о самом страшном, самом тяжелом и темном, что есть в нашей жизни: о наших грехах и страстях, фактически о наших преступлениях. И очень важно, чтобы после этого произошел разворот от той тьмы, в которой мы пребывали и которую оплакали, к свету, к Богу. Мы должны отойти от исповеди, не глядя на свои грехи, но взирая к Богу. Радость должна войти в наше сердце. Мне кажется, нужно, чтобы священник в этом помогал, особенно тем, кто давно или никогда не был в храме и наконец каким-то чудом пришел. А христианин более опытный должен заботиться о том, чтобы этот разворот совершать самостоятельно.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что ничто столь не действенно в борьбе со страстями в период новоначалия, как частая исповедь. И жизнь свидетельствует, что это действительно так. Когда у человека еще мало собственного опыта, нет навыка в преодолении страстей, для него исповедь у священника, который может его и утешить, и наставить, приносит очень большую пользу. Особенно если она совершается с ощущением собственной немощи и неспособности исправиться без помощи Божией.

Часть 7
О важном и второстепенном

О помыслах

Что такое откровение помыслов? В древней монашеской жизни бывало так: послушник жил в обители, при старце, и имел возможность в любое время дня открыть ему то, что он думает (либо, как это делалось когда-то в Оптиной пустыни, утром и вечером, или только вечером, или трижды в течение дня). Как только ученика начинал беспокоить какой-то помысл, он тут же шел к старцу и говорил ему об этом. Старец объяснял, что с этим помыслом делать, и ученик успокаивался.

Таким образом, инок достаточно быстро становился искусным, потому что не тратил огромную энергию и время на пустопорожнюю борьбу, не проходил лишнее расстояние, делая ненужные повороты. Его путь был прямым, а возрастание – быстрым. Так опыт передавался от старца к ученику.

В наше время подобная практика просто невозможна. И не только потому, что мы не живем в храме. Надо, чтобы исповедующий помыслы был собран, сознателен, а не просто многословно рассказывал о том, что его беспокоит, а, выслушав ответ, пропускал его мимо себя, продолжая и дальше беспокоиться о том же. В процессе откровения помыслов важен труд. И священник может тоже быть не готов к нему. Все это вместе приводило бы к профанации, да и приводит порой.

Все, приходящее нам в голову, перечислить невозможно. И не надо ужасаться тем помыслам, которые нас посещают, – хульным, блудным, злым. Грех начинается тогда, когда мы этим помыслам сочувствуем, и развивается, когда от сочувствия мы приходим к желанию делом исполнить то, что помыслы нам предлагают. До тех пор, пока они просто тревожат нас, не надо чрезмерно пугаться. Вспомним старца, сказавшего ученику, который жаловался на помыслы: «Простри полы одежды твоей и поймай ветер! Это невозможно? Точно так же невозможно удержать помыслы. Они будут приходить. Твое дело – их отвергать, а не принимать»[24].

Однако есть помыслы, которые беспокоят регулярно, и о них надо обязательно сказать на исповеди. Почему? Очевидно, это некое

искушение: оно либо порождено обстоятельствами нашей жизни, либо это наше слабое место – враг обнаружил его и теперь бьет в одну точку, готовя нам преткновение (а чаще всего это и обстоятельства, и действия врага вместе).

Мне сон приснился…

Многие любят на исповеди пересказывать свои сны – мистические, пугающие, обнадеживающие, загадочные и прочее, и прочее. Они чувствуют настоятельную потребность поделиться со священником своим сновидением.

Между тем в отношении снов действует одно правило: после пробуждения их надо забывать, а не запоминать и не пересказывать. Бывают исключения из этого правила: какие-то очень страшные и тяжелые сны, вводящие человека в состояние внутреннего недоумения. По большому счету и их надо было бы просто забыть. Но человек немощен… Ему кажется необходимым сказать о привидевшемся священнику, – но после этого сон уже точно следует выкинуть из головы.

Сон, в котором явным образом действует Господь, не забудется. Но наши чувства настолько мало обучены рассуждению добра и зла, что говорить о том, каков по своей природе виденный нами сон и каково то или иное явление, очень-очень трудно. Поэтому лучше придерживаться известного афонского правила: не принимать и не отвергать. И еще, пожалуй, памятовать, как одному старцу явился демон в образе Архангела Гавриила и сказал: «Я – Архангел Гавриил и послан к тебе!» На что старец ответил: «Проверь, точно ли ко мне ты послан?» И бес сразу же исчез, не выдержав смирения подвижника.

Исповедоваться за себя, не за других

Как ни забавно это может прозвучать, но на исповеди не надо говорить о чужих грехах. А так поступают на самом деле очень многие. Приходят на исповедь и начинают говорить про мужа или жену, про детей, про Иван Иваныча, Василия Петровича, Марию Сергеевну… И из потока чужих немощей, грехов, подлостей, негодности ты пытаешься вычленить: а что же кающийся говорит о себе? А себя он видит жертвой – совершенно невинной, праведной и чистой. И приходится раз за разом повторять: «Не надо говорить о других, ведь вы пришли каяться в своих грехах». Но человек порой даже не понимает, о чем идет речь…

Вспоминается рассказ сербского святого XX века святителя Николая (Велимировича).

Один священник приехал служить в село, а был разгар сбора урожая и в храм регулярно ходил только один человек – староста. Ходил и постоянно жаловался, какие негодные люди тут живут («даже в храм не ходят!»): этот – такой, этот – такой… Наконец начался пост, и народ пошел на исповедь, чтобы причаститься. И вот священник всему селу объявляет: «Исповедовать никого не буду! Кроме старосты – за всех вас он уже исповедался, теперь ему предстоит исповедаться за себя».

Епитимьи законные

Говоря об исповеди, нужно сказать о епитимьях. Что это такое, зачем они нужны, какие бывают?

Епитимья – это не наказание, не какая-то кара, придуманная с целью побольнее уязвить и сокрушить грешника. Это своего рода маленький подвиг, который предлагается человеку для того, чтобы он мог скорее выйти из состояния духовной разбитости и поврежденности, к которому привел его грех. Епитимья дается в помощь, и она должна быть посильной, а ее исполнение – осознанным.

Как правило, в наше время опытные духовники дают епитимьи на непродолжительные сроки – на месяц, на сорок дней, иногда на два месяца. Бывает, конечно, и на полгода, и на год, но это достаточно редкие случаи. И не всегда епитимья связана с отлучением от Причастия: это может быть какое-то количество поклонов, чтение покаянного канона – разные виды покаянного подвига.

Вот, например, недавно скончавшийся старец архимандрит Кирилл (Павлов) зачастую давал человеку, казалось бы, чудную епитимью – регулярное чтение Священного Писания. Отец Кирилл как бы «подлавливал» человека таким благим образом, чтобы тот хотя бы в качестве исполнения епитимьи понудил себя регулярно читать Евангелие. Он был убежден, что стоит полюбить читать Евангелие, позволить евангельскому слову войти в твою жизнь, и она начнет меняться. Действительно, так и происходило – я видел людей, которые год читали Новый Завет как епитимью, а потом продолжали читать Священное Писание по доброй воле постоянно. Налицо был результат, который должна дать епитимья, – благое изменение жизни.

Епитимьи незаконные

Некоторые священники, невзирая на сложившуюся практику церковной жизни и мнение священноначалия, руководствуются в своей духовнической деятельности древними канонами (причем применяя их весьма избирательно) и возлагают на согрешившего многолетние епитимьи: на семь, десять, четырнадцать лет. Хотя очевидно, что древние каноны неприменимы во всей своей полноте в условиях сегодняшней церковной жизни, слишком сильно она изменилась.

Епитимья должна способствовать созиданию, а не разрушению. Если мы сегодня будем отлучать от Церкви на годы, тем более на десятилетия, мы людей просто-напросто потеряем. Они не будут стоять в притворах храмов и плакать, как это было в древности, – они просто погибнут, а мы за них дадим ответ Богу. Не человек для епитимьи и канона, а епитимья и канон для человека.

Бывают ситуации, когда христианин приезжает в монастырь, жизнь которого не очень хорошо знает, или попадает к псевдостарцу и, к своему великому недоумению, получает от него на исповеди многолетнее отлучение. Как тут поступить? Если у тебя есть духовник, надо сказать: «Простите, батюшка, не могу принять ваше слово, потому что у меня есть духовник, я ему в этом грехе исповедовался и его суд об этом – другой».

Если духовника нет и ты сам по себе, остается идти к другому священнику, чтобы спросить, что же делать с четырнадцатилетней епитимьей. А тот вынужден будет передать дело на рассмотрение архиерея: согласно существующим правилам, один священник не может упразднить епитимью, данную другим священником.

Когда я сам даю епитимьи, я обязательно говорю человеку: «Если я заболею, или буду в отъезде, или еще что случится, пойдите к любому другому священнику и, если вы греха, за который епитимья назначена, не повторяли, пусть он вас от нее разрешит. А если повторяли, то с ним уже решайте, как быть дальше».

Осторожность в паломничествах

Очень важно проявлять некоторую осторожность в паломнических поездках, чтобы не попасть в руки человека, который – к сожалению, это бывает – злоупотребляет своей духовной властью. Мне памятен случай, произошедший в Москве на одном из монастырских подворий. Требный священник вдруг видит, что храм заполнили десятки паломников. Он думает: «Господи, как мы успеем их всех исповедовать?» и тут же замечает среди этой толпы священнослужителей. Решив, что они приехали все вместе, он, обращаясь к священникам, спрашивает: «Отцы, вы сами своих паломников поисповедуете?» – «Да, конечно». И те, быстро исповедав эту паломническую группу (вернее будет сказать – допросив с пристрастием), дали каждому по епитимье на десять-четырнадцать лет и – исчезли куда-то (как потом выяснилось, это была группа из Ивановской епархии, известная как «симониты» – по имени «старца», инвалида-колясочника, которого они везде возили с собой). А те несчастные паломники, совершенно ошарашенные таким поворотом событий, потом в полном составе отправились к своему правящему архиерею выяснять, что им делать дальше.

Был и такой случай: группа приехала в монастырь, и только люди вышли из автобуса, как к ним подошел иеромонах: «Так, женщины – шаг вперед». Что ж, люди приехали в обитель, они готовы слушаться… Сделали шаг вперед. «Кто делал аборты – еще шаг вперед. Епитимья на семь лет. Всем».

Очень хорошо, когда паломническую группу сопровождает священник, который может сказать такому иеромонаху: «Знаете, батюшка, никто к вам с просьбой об исповеди не обращался, мы из другой епархии, поэтому не подходите, пожалуйста, с подобными вопросами. Власти так поступать у вас нет». К слову сказать, священник – если он человек разумный, – принимая исповедь незнакомого человека, тем более паломника, всегда спросит: «А есть ли у вас духовник?» Если да, то он скажет: «У меня есть по этому поводу свое мнение, но лучше будет, если вы обратитесь к вашему

духовнику и поступите так, как он посоветует». Я считаю, что это правильный подход. Но далеко не всегда его встретишь.

Простил ли Господь?

В православном катехизисе содержится следующее определение таинства Покаяния: «Покаяние есть таинство, в котором исповедующий свои грехи, при видимом изъявлении прощения от священника, невидимо разрешается от грехов Самим Иисусом Христом»[25]. Но, конечно же, эти немногие слова не могут вместить всей глубины таинства Покаяния, раскрыть то значение, которое оно имеет для нас. Некоторые опытные духовники обращают внимание на слова одной из молитв таинства Покаяния: «Сам, Владыко, ослаби, остави, прости…»[26], говоря о том, что человек далеко не всегда имеет силы оставить грех, в котором он исповедуется, и даже не всегда хочет этого. Он может принести свой грех на исповедь, всего лишь сознавая, что поступил против совести. Но в исповеди происходит удивительное: Господь ослабляет действие греха, давая силы расстаться с ним.

Часто люди задаются вопросом: «Как мне узнать, что Господь простил мне грехи? Вдруг Он не простил? Каким образом я пойму это?» Преподобный Варсонофий Великий[27]дает такой ответ: признаком прощения твоих грехов является утрата сочувствия по отношению к ним. Когда человека перестают волновать те страсти, которыми грех был порожден, – это признак внутреннего изменения. Это уже другой человек, не тот, который эти грехи совершал.

Конечно, можно столкнуться и с другим недоумением: «Как же Господь может не простить, ведь Он есть Любовь?» Да, Господь есть Любовь, Господь может простить и прощает абсолютно все. Но что толку, если ты при этом остаешься прежним, таким же, каким был? Ты должен измениться по отношению к Богу: прощение приходит, когда ты отворачиваешься от греха и поворачиваешься к Нему.

Сокровенное изменение души

Наверное, в жизни каждого священника есть немало такого рода примеров: люди годами каются в одних и тех же грехах и, казалось бы, ничего в их жизни не меняется, но проходит время (иногда – долгое время), и ты все-таки начинаешь видеть, что что-то потихоньку, неведомым образом меняться начинает.

Я помню одну девушку, которая часто исповедовалась, при этом она зарабатывала проституцией. Она приходила, каялась в тех грехах, оставить которые не имела сил. До Причастия я ее, естественно, не мог допустить, пытался с ней говорить о ее жизни, о дальнейшей судьбе, но особого успеха это не имело, потому что решимости что-то менять у нее не было. Она не любила ту жизнь, которой жила, скорее, имела место зависимость материального и психологического характера. Но в то же время ее исповедь не была «дежурной» – было видно, что ей больно. И так она каялась, молилась об изменении жизни, не обретая решимости самостоятельно изменить ее. Со временем я стал видеть происходящие в ней перемены: она постепенно воцерковлялась, ее религиозность приобретала более осознанный характер. Нет, у нее не возникало иллюзий о себе, она не оправдывалась тем, что ходит в храм, наоборот, помня, какова ее жизнь, все больше и больше смирялась. Когда я видел ее в последний раз, она начала опекать девочку из неблагополучной семьи. С одной стороны, к этому ее подвиг собственный опыт, потому что о ней самой никто никогда не заботился, с другой стороны – это было проявлением чувства вины. Куда привела ее жизнь, трудно сказать, но мне не раз в связи с ней вспоминался пример из жития одного святого старца.

Некий брат рассказывал преподобному, что в его родном селении жила блудница, известная делами милосердия: она жертвовала нищим и убогим, давала деньги Церкви. Преподобный сказал брату: «Молись о ней, потому что недалека от нее милость Божия – недолго она пребудет в своем грехе». И этот брат, посещая свое селение, раз за разом видел, что блудница едва ли не все, что зарабатывает, отдает. Кончилось тем, что она действительно бросила свое ремесло. А поняв,

что ее готовы принять и что она не окажется там чужой, пришла в женскую обитель и осталась в ней. Бывает и так.

Порой человек начинает собирать сокровище на Небесах по копеечке, а потом оно неведомым образом умножается. Господь хватает человека за руку, которую тот тянул к Нему через дела милосердия, через намерение несмотря ни на что быть при Его Церкви, – и выдергивает из его прежней неправедной жизни.

Часть 8
О том, как быть «хуже всех» и не унывать

Лекция вместо исповеди

Скажу еще о некоторых ошибках, совершаемых людьми на исповеди.

Есть люди, которые не столько исповедуются в совершенных ими грехах, сколько… рассказывают о том, как нужно правильно жить по-христиански. Это совершенно особый вид исповеди, когда человек «кается» примерно так: «Я прекрасно понимаю, что вот в такой-то ситуации надо поступать так-то. Все мое естество говорит о том, что так должно быть, и Евангелие, и святые отцы учат этому, но вот я, такой нехороший человек, все это понимая, делаю по-другому. А надо в этой ситуации поступать так-то и так-то».

Тут, конечно, многое зависит от дара слова, от начитанности в Священном Писании и святых отцах, от душевного порыва и энергии… Но подчас такая исповедь превращается в самую настоящую лекцию или даже проповедь, которая непонятно к кому обращена: то ли к священнику, то ли к Богу, то ли к самому себе. Очевидно, что от исповеди здесь ничего не остается: перед священником, перед аналоем с крестом и Евангелием стоит человек, который прекрасно понимает, как нужно жить по-христиански. Он возвещает истины жизни по Евангелию, и его собственные грехи, о которых он вроде бы и упоминает, теряются в этом прекрасном искрящемся обрамлении. Конечно же, здесь обнаруживается и тщеславие, и самомнение, и гордость, и даже в какой-то степени самопрельщение. Вывести человека из этого состояния бывает очень сложно, потому что только кажется, что он совершает эту ошибку неосознанно. Нет, он вполне намеренно и оправдывает себя, и показывает гораздо лучше, чем он есть на самом деле, как бы желая сказать: то, что я совершил, – случайность, ведь я «знаю, как надо».

Священник вынужден полагать предел таким рассказам и говорить: «Не надо читать лекцию, не надо проповедовать, цитировать апостола Павла или приводить мнение святителя Иоанна Златоуста. Нужно говорить о том, в чем вы согрешили перед Богом. Все остальное – не здесь. Можно свои размышления разместить в блоге, в Живом журнале, на страничке в Фейсбуке, можно рассказать об этом

близким или коллегам по работе, если они готовы вас слушать, можно написать книгу… Но здесь вам необходимо просто покаяться в том, в чем вы ощущаете свою вину перед Богом».

Еще одна распространенная ошибка – человек говорит на исповеди о своих грехах с каким-то недоумением: «Я тут согрешил как-то…» Создается впечатление, что его заставили сделать что-то недоброе или это произошло без его ведома и не имеет к нему никакого отношения. Но на исповеди мы каемся не в том, что произошло само собой и помимо нашей воли, а в том, что сделали сами.

«Я – великий грешник»

Тщеславие человеческое многообразно, можно превозноситься очень разными вещами, даже… своими грехами. Некоторые говорят о своих прегрешениях так возвышенно и красиво, что получается просто песня. Невольно заслушаешься, так это высоко и так глубоко… Но потом опомнишься: «Стоп. А вообще о чем идет речь?»

Такой «оратор» может и преувеличить свои грехи; он дополняет свою исповедь подробностями, но у священника все равно остается ощущение, что это не покаяние, а какой-то роман. И сама жизнь этого человека, которая открывается через исповедь, и дальнейшее общение с ним показывают, что его рассказ рождается не из глубокого покаянного движения сердца, а из самолюбования: «Я – исключительно плохой, самый плохой из людей, удивительно плохой, уникально…» Надо человека смирить и сказать ему: «Нет, ты не самый плохой, ты такой же плохой, как и все остальные, как я, например…»

Почему мы вообще говорим, что христианин должен считать себя хуже всех? Не потому, что он на самом деле хуже всех, а потому, что каждый из нас призван заниматься только самим собой. Есть, без сомнения, некая формальная шкала, соотносясь с которой можно сказать: этот человек не грабил, не убивал, не проливал кровь младенцев, никого живьем в землю не закапывал, не предавал, подлостей не совершал – ну как считать его хуже тех, кто все это делал? Никак, конечно. Но когда человек говорит о себе «я хуже всех», это означает не то, что он самый плохой человек на земле, а то, что он только себя знает, только свои грехи может исповедовать как достоверно ему известные и только за них будет нести ответственность.

Расстояние, которое пролегает между мной и Богом, определяет моя злая воля. Мне есть дело до этого расстояния – оно может меня убить. А чужие грехи, сколько бы их ни было, – нет. Я концентрируюсь на том, чтобы изменить свою жизнь, сократить это расстояние, устраняя греховную преграду. И только поэтому я – хуже всех. А не так, как люди, которые на исповеди говорят об этом с гордостью и

тщеславием… Вот и приходится такому сказать: «Нет, это ты хватил лишнего, ты еще не пришел в такую меру, чтобы быть хуже всех».

У английского христианского писателя Клайва Льюиса[28]в его небольшом произведении «Баламут предлагает тост» есть замечательное рассуждение беса Баламута, произнесенное им в речи на балу бесов-искусителей. Баламут говорит, что раньше были и святые великие, и грешники великие, а сейчас – оторви да брось: ни настоящих праведников нет, ни настоящих злодеев…

Почему из великих грешников получались великие святые? Способность человека грешить безудержно и страшно подчас бывает связана с тем, что у него великая душа, но она обращена не в ту сторону, не к свету, а к тьме, пытаясь таким образом насытиться. Но когда такая душа разворачивается к свету, случаются потрясающие изменения. Такие, какие произошли с разбойником на кресте, Марией Египетской, преподобным Нифонтом Кипрским[29], Варваром-разбойником[30], преподо бным Моисеем Мурином[31]. Эти люди, которые не то что дошли до края, а пали, кажется, в самую бездну греха, достигли ее дна, совершали злодеяния, потом вдруг оказались способны на удивительное восхождение. Поэтому говорить о себе как о великом грешнике тоже, наверное, не стоит – не смиренно это…

«Грешна во всем»

Еще один частый случай, настолько распространенный, что он сделался едва ли не притчей, хотя на самом деле это – слепок с реальности, шаблонная ситуация. «Грешен/грешна во всем». – «А в чем именно?» – «Да ни в чем…» Полная безответственность по отношению к своей душе и, как следствие, к своей христианской жизни: человек настолько не знает себя, что ни одного греха не может назвать, попросту не видит их. Не потому, что их нет, наоборот – их множество, но, погруженный в непрекращающуюся суету, он даже не может вычленить что-то одно. Вспоминается, как преподобный Амвросий Оптинский[32]спросил одну женщину, которая тоже была «грешна во всем»: «Значит, лошадей тоже угоняла?»

Грешен во всем – значит, ни в чем не грешен. Святые при своих великих трудах ощущали себя грешными, а перед нами человек, который Евангелие ни разу в жизни не открывал. Доказывать ему, что он грешен, – дело и неблагодарное, и неблагородное, и совершенно напрасное. Такого человека, может быть, и не надо допускать до исповеди, но сказать ему: «Если ты ни в чем не грешен, то и потребности в покаянии у тебя не должно быть. Господь пришел на землю спасать грешников, а не праведников (см.: Лк. 5: 32). Если ты – праведник, тогда, видимо, у тебя должен быть какой-то другой путь спасения. Но для начала, чтобы убедиться в своей праведности, открой Евангелие, прочти его и попытайся понять: каково достоинство человека и чего Господь от него ожидает. Если и после этого ты придешь и скажешь, что ни в чем не согрешил, мы с тобой попытаемся разобраться в том, как ты Евангелие читал и что из него понял».

Бывает, спрашиваешь: «Вы Евангелие читали?» – «Да, читал». – «И что, вы живете строго по Евангелию?» – «Да». – «То есть вы всегда поступаете вот так и так?» – «Нет, но я стараюсь». – «У вас всегда получается?» – «Нет, не всегда, но я же стараюсь». И не пробиться через эту броню самооправдания…

А некоторые приходят на исповедь и рассказывают: «Я делаю это, делаю это, делаю то… словом, я живу по-христиански». – «Минутку, а на исповедь вы с чем пришли?» – «Как? Рассказать обо всем этом».

Конечно, возникает вопрос, с какими требованиями человек сам к себе подходит, насколько всерьез относится к своей жизни, чего он от себя ожидает и что в принципе считает жизнью христианской?

Священник – не «государственный обвинитель», он призван пробудить в душе пришедшего на исповедь покаянное движение к Богу – то, без чего христианская жизнь никогда не начнется. Да, иной раз приходится расспрашивать, иногда – проходить по тому списку грехов, который есть в Требнике (поновления – так раньше назывался этот список), когда ты понимаешь, что, не сделай ты этого, человек уйдет неисцеленным и с отягченной совестью. Но инициатива на исповеди все-таки должна принадлежать кающемуся, священник может только чуть-чуть его направить. В конце концов, апостолы не гнались за каждым грешником, требуя от него покаяния. Нет, они проповедовали Евангелие Царствия, и кто-то откликался, а кто-то – нет. Они лишь могли засвидетельствовать, что грешная жизнь противна Богу, ведь и Христос говорил фарисеям:*Горе вам!*и объяснял почему (см.: Мф. 23:13–32) – остальное оставлено на усмотрение самого человека. И в отношении исповеди действует тот же принцип: как мы не должны никого насильно спасать, так не должны и насильно исповедовать, подводить к осознанию греховности. Мы только встречаем человека и стараемся как-то его пробудить, не более того.

Исповедь как работа над ошибками

Исповедь – непременное условие христианской жизни, потому что все мы грешим и все нуждаемся в покаянии. Но она бывает правильной, когда сама христианская жизнь – правильная, нормальная, полноценная. Нет ее – будет или «плетение словес», или полное молчание, или разговор о чем-то, совершенно не связанном с покаянием. А если есть начаток христианской жизни, то из него родится исповедь. И благодаря этому, пусть пока несовершенному, покаянию исправляется человек, а по мере исправления меняется и его исповедь.

Помню, когда-то в разговоре с отцом Кириллом (Павловым) я сказал, что содержание жизни монаха – это покаяние, на что он возразил: «Нет, это неправильно. Содержание жизни и цель монаха, и христианина, конечно, – это обретение смирения. А покаяние – один из путей, ведущих к смирению». Смирение дает человеку познание Бога и то откровение таинств, которого не доставит ему больше ничто в этом мире.

Исповедь – одно из таинств Церкви, неотъемлемая часть нашей современной христианской жизни, но она не первостепенна. Есть работа, а есть работа над ошибками. И центральное место в жизни занимает работа, а работа над ошибками необходима постольку, поскольку совершаются ошибки. Наша задача заключается не в том, чтобы сделать свою исповедь как можно более насыщенной, наполненной и разносторонней, а в том, чтобы как можно меньше было поводов к ней и чтобы эта «работа над ошибками» заняла в итоге совсем маленькое место в нашей жизни. Не должна исповедь превращаться в искусство, о котором нужно говорить и писать книги…

Мы всегда будем жить до известной степени неправильно, совершать ошибки, грехи, и исповедь нам будет необходима. Но она обязательно должна претерпевать определенную трансформацию. Если вначале мы ворочаем глыбы, то потом носим маленькие камешки или песчинки. И от песчинок надо очищать свою жизнь, потому что если мы перестанем это делать, вскоре обязательно возвратимся к глыбам.

Надо помнить, что главное – не «безошибочная» исповедь, а полноценная, живая христианская жизнь.

Часть 9
Могут ли слезы приносить радость?

На что не стоит обижаться

Говоря о том, как правильно относиться к исповеди, как готовиться к ней, не хотелось бы упустить некоторые «технические» моменты. Несмотря на их второстепенность, они нередко становятся для кого-то камнем преткновения.

Так, иной раз человек, не имея опыта церковной жизни, приходя в храм от случая к случаю, никак не может понять, почему у священника не хватает на него времени. Ему начинает казаться, что в Церкви никому ни до кого нет дела, что священники – это люди, которые живут своей жизнью, а прихожане для них – всего лишь те, кто создает помехи этой жизни.

Да, во время литургии в воскресные дни или в большие праздники, когда исповедников очень много и Чашу вот-вот вынесут, священник спешит. Ему нужно исповедать всех, кто готовился к Причастию, чтобы они успели причаститься. Это так. Но накануне, на всенощном бдении в субботу вечером или в будние дни спешить некуда.

Очень многие пытаются совместить исповедь с рассказом о своих обстоятельствах, переживаниях, событиях, вызывающих у них те или иные эмоции, но… не успевают этого сделать. И опять то же чувство – что ты, в сущности, никому здесь не нужен. Как быть? На самом деле во время исповеди надо исповедоваться, ничего больше. Таинство установлено именно для этого. А вот после можно сказать священнику: «Знаете, мне еще хотелось бы с вами посоветоваться, поговорить по такому-то поводу. Удобно ли сделать это сейчас или вы назначите мне другое время?» Тогда человек не уйдет с обидой и ощущением своей ненужности: он либо получит разрешение своих вопросов и недоумений сразу же, либо это произойдет чуть позже.

Еще раз о перечне грехов

Исповедоваться надо своими словами, это однозначно. Ни в коем случае не заимствовать никаких готовых форм, не исповедоваться в форме ответов на вопросы из какой-либо книги об исповеди.

Книги, помогающие подготовиться к исповеди (в том числе и так называемые «опросники»), нужны в самом начале церковной жизни, они помогают понять: не является ли по какой-то причине грехом то, что я в своей жизни делал, что делать собирался и так далее? Это и правда необходимо: у современного человека представления о грехе и добродетели чаще всего спутаны. Но и тут не должно быть простого механического перечисления прегрешений, тем более что далеко не все книги такого рода одинаково разумно составлены. В некоторых пособиях к исповеди в качестве греха указано: «Мыл руки душистым мылом» и еще что-то в таком роде – вещи совершенно абсурдные, которые у человека со здравым смыслом вызывают отторжение, а у человека, лишенного здравого смысла, рождают ощущение, что вся его жизнь наполнена грехом – и когда он моет руки, и когда готовит еду, и когда идет в магазин…

Поэтому скажу еще раз: подобные «пособия по исповеди» действительно бывают нужны для того, чтобы человек буквально всю свою жизнь перепахал и перелопатил, понял, что в ней чего стоит, чтобы он задумался о поступках, которые до прихода в Церковь казались ему естественными и нормальными, но с точки зрения евангельской таковыми ни в коем случае не являются. И все же необходимо подходить к разным ситуациям с рассмотрением, критически.

Исповедь у разных священников

Часто можно столкнуться с тем, что человек, не имея духовника и даже не стараясь его найти, исповедуется разным священникам.

Такой исповедник похож на пациента, который лечится у разных врачей. Ему приходится каждый раз заново рассказывать свою историю болезни со всеми ее нюансами и особенностями – в противном случае он рискует получить неправильный диагноз и неверное лечение, которое не поможет, а навредит. Даже подробный рассказ о симптомах не избавит от риска врачебной ошибки, потому что врач только тогда знает пациента по-настоящему, когда ведет его на протяжении долгого времени. Кроме того, если пациент слушается, выполняет все рекомендации, врач чувствует за него ответственность. То же самое происходит в отношениях со священником. Если человек каждый раз исповедуется у разных священников, он рискует оказаться неправильно понятым или получить совет, далекий от обстоятельств его жизни, а может быть, и прямо противоречащий им. Священнику гораздо проще помочь тому, кого он хорошо знает, кого он поймет с полуслова.

Я довольно часто сталкиваюсь с тем, что люди исповедуются у одних священников, а за советом идут к другим. Но это то же самое, что пройти обследование и получить его результаты в одном месте и, оставив их там, пойти за рекомендациями в другое. Гораздо разумнее советоваться с тем священником, у которого ты исповедуешься и кому известны все твои особенности и обстоятельства.

Как же выбрать духовника, у которого вы будете постоянно исповедоваться?

Если вы живете в небольшом населенном пункте, возможности выбирать у вас нет. Но вообще-то желательно, чтобы выбор был. Даже если человек исповедуется и причащается в единственном храме в своем городке, у него может быть духовник в другом городе, к которому по необходимости он будет ездить.

Критерии при выборе духовника, мне кажется, можно назвать такие: он должен быть человеком искренне верующим, всерьез относящимся к своему собственному спасению и к спасению тех, кто к

нему обращается, ответственным и неравнодушным. Естественно, необходим и определенный опыт христианской, духовной жизни, чтобы быть способным хотя бы в какой-то степени помогать человеку идти путем спасения.

И как в жизни с кем-то складываются отношения, с кем-то не складываются, так и здесь, безусловно, имеют место субъективные факторы, личные моменты. Но вместе с тем надо понять, что, если Господь не дает нам священника, который во всем был бы нам по сердцу, мы должны принять это как попущение Божие: со временем мы найдем, как извлечь из этого пользу.

Психолог или пастырь?

Приняв исповедь, священник старается помочь кающемуся справиться с тем, что мучает его и стоит на его пути к Богу. Чем в таком случае священник отличается от психолога? Не выполняют ли они одну и ту же работу?

Нет, сферы их деятельности и ответственности различны. Но опытный священник в каком-то смысле должен быть, по совместительству, и психологом, а вот психолог священником «по совместительству» быть точно не может. Психолог может помочь разобраться в какой-то жизненной ситуации, во внутренних проблемах, но не может дать совета духовного, ответить на вопрос, как жить в мире с Богом и со своей совестью.

Вся наша жизнь зависит в первую очередь от того, в каком отношении к Богу мы находимся и какое место в нашей жизни занимает исполнение Его воли. И это несравненно важнее, чем то, что может сказать человеку психолог. Хотя и психологическими проблемами пренебрегать нельзя, потому что неправильность внутренней жизни, неправильность реакций, отношений мешают человеку стать хорошим христианином.

Повторюсь: священник, если он всерьез занимается людьми, со временем обретает навыки психолога. Он из опыта знает, каким образом действовать в разных ситуациях: как помочь пришедшему избавиться от мучающего его страха, когда уместно сказать слово утешения, а когда, как говорит апостол Иуда, человека, не внемлющего ни голосу разума, ни голосу совести, надо спасать страхом (см.: Иуд. 1: 23) – заронив в его сердце мысль о гибельности его пути, заставить задуматься и даже испугаться.

Душевная и духовная жизнь связаны теснейшим образом, и отрывать их друг от друга нельзя. Скажем так: есть общие представления о том, кто такой приличный человек, и есть наши представления о том, каким должен быть хороший христианин. И не став приличным человеком, нельзя стать хорошим христианином.

Если мы обратимся к жизни таких подвижников, как, например, преподобный Паисий Святогорец, мы увидим, что наряду с советами

духовного порядка он дает людям, обращающимся к нему, советы и чисто психологического характера (хотя старец не одобрял священников, пытающихся подменить приобретение духовного опыта теоретическим изучением психологии). Кого-то он поддерживает и подбадривает, кого-то может чуть-чуть припугнуть, одного – смирить, другого, напротив, заставить поверить в себя. Это самая настоящая практическая психология, в основе которой лежит опытное знание души. Из этого знания исходят советы и наставления подвижников.

В психологической науке есть разные школы и направления. Есть такие, которые говорят о необходимости прощать и просить прощения, мириться с обидчиками. Это – составляющая покаяния, но не покаяние в подлинном смысле этого слова. А мы знаем, что человека по-настоящему изменяет прежде всего покаяние перед Богом. Суть христианской жизни – личные взаимоотношения с Богом. Если человек пытается измениться ради самого себя, но не смотрит на это как на вопрос своих личных отношений с Богом, – это совершенно неправильно.

Бывает, мы в течение долгого времени помогали кому-то – алкоголику, наркоману, заядлому игроку. Вкладывали в это силы, душу, сердце, и вот в какой-то момент он взялся за ум, перестал пить, колоться или играть, пошел работать и… совершенно забыл про нас. Понятно (и дело тут не в обиде), что подобная «забывчивость» говорит о том, что хорошим человеком он все-таки не стал, а раз так, вряд ли жизнь у него сложится хорошо. Кто полюбит человека, неспособного на благодарность, кто станет его другом, кто по-настоящему сблизится с ним? А в отношении к Богу это все во сто крат серьезнее, важнее.

Место для радости – есть ли?

Как может совмещаться с покаянием, с постоянным опытным познанием своего несовершенства радость – та радость, без которой полноценная христианская жизнь невозможна? На первый взгляд, это вещи взаимоисключающие: какая уж тут радость, если изо дня в день видишь, насколько ты плох.

Грусть естественным образом рождается из смутного, до конца, может быть, не осознанного ощущения вины перед Богом. Когда человек начинает задумываться о своей жизни, для него все более очевидным становится, насколько он от Бога далек. Это прозрение рождает и печаль, и страдание, и боль сердечную. Но вот грешник становится на путь покаяния, сопряженного с трудом исправления и с трудом молитвенным; он обращается к Богу, просит о прощении, и, если покаяние подлинно, совершенно естественно появляется вопрос: простит ли меня Господь? Сподобиться этого человек желает всем сердцем, но в то же время понимает, что не вправе его требовать и на нем настаивать – это дело единственно милости Божией. И оттого скорбит его сердце.

Постепенно за этот труд, за нежаление и обвинение себя Господь начинает душу утешать. И тогда покаяние растворяется радостью. Тот, кто это испытал, знает, как слезы могут быть радостотворными: каким образом, плача, можно испытывать радость.

Бесполезно говорить об этом не имеющему подобного опыта или не желающему его приобрести. Тот, кто к покаянию не стремится, скажет, что это – абсурд, а христиане – странные люди, которые находят радость в том, чтобы плакать и мучить себя. Нет, не в этом радость…

Покаяние похоже на стирку: ты пытаешься отстирать очень грязную вещь, не веря до конца, что она может отстираться, и вдруг видишь, как она меняется – из черной становится белой. От этого ты невольно радуешься. То же происходит и здесь, только в значительной степени сверхъестественным образом. Неожиданно, когда человек этого совсем не ждет.

Бывает, поссорятся двое друзей, разругаются так, что кажется: отношения окончательно разрушились. Но в какой-то момент начинается движение навстречу друг другу, когда один вдруг чувствует, что смог простить, а другой – что его простили, чего они оба не ожидали. В такие моменты эти двое могут просто плакать. Но это будут слезы радости: хотя и горько все то, что было, нежданное примирение – счастье, которое трудно описать словами.

Но это все-таки не духовная, а душевная сфера, а то, что происходит, когда человек кается, гораздо глубже и серьезнее эмоций: здесь – взаимодействие благодати Божией с силами человеческой души.

Почему благодать Божия в человеке не действует свободно, почему кажется, что она отчуждается, отдаляется? Она не отчуждается и не отдаляется, просто мы бываем от Бога закрыты. Наше сердце может оставаться глухим, не внимающим действию благодати, и требуется внутренняя перемена для того, чтобы сделать его способным к восприятию. Порой мы смотрим на людей одного и того же возраста и схожего жизненного опыта и видим, что один из них выглядит старым, мрачным, тяжелым человеком, а другой – и улыбчивый, и светлый, и сохраняющий способность радоваться жизни. Состояние сердца человека определяет его внутренний возраст, оно же делает его душу способной принять благодать. Или – неспособной к этому.

Правильное чувство вины

Как понять, истинно ли мое покаяние, не обманываю ли я себя?

Покаяние рождается из ощущения виновности перед Богом. Если это чувство исчезло, как можно пребывать в покаянном состоянии? Осознание своей неправды и несовершенства не должно вырождаться в забитость, униженность, ощущение себя неполноценным существом. Правильность покаянного чувства определяется очень легко. Если покаяние рождает желание измениться к лучшему, ревность к исправлению, побуждает к движению вперед, значит, все правильно. Если же чувство вины приводит к угнетенности, унынию, отчаянию, значит, что-то не так: и сам человек неправильно относится к своей вине, и враг добавляет, что может приложить от себя.

Составляющие подлинного покаяния – ощущение своей виновности перед Богом, желание исправиться и деятельное выражение этого желания, то есть труд, который человек подъемлет ради самоисправления. И этот труд должен проходить через всю его жизнь, а не касаться лишь отдельных покаянных подвигов.

Если человек находится в состоянии покаяния, то, когда с ним происходит что-то нежелательное или люди поступают с ним несправедливо, для него совершенно естественно говорить себе: «Ведь я каюсь и прошу у Бога прощения, говоря, что ничего доброго я не достоин. И если сейчас мне посланы непростые обстоятельства, значит, пришло время, когда мои слова должны подтвердиться на деле. И я должен, как честный человек, быть готовым повторить слова разбойника на кресте: „Достойное по делам моим приемлю“ (ср.: Лк. 23: 41)». Если же человек возмущается, злится и спрашивает: «Почему я все это должен терпеть?!», то очевидно, что в нем в этот момент покаяния нет.

Часть 10
О том, как часто исповедоваться

Не ждать накопления грехов

Как часто исповедоваться человеку, начинающему церковную жизнь? И правы ли те, кто в частой исповеди видят угрозу ее содержанию, живому покаянному чувству?

Я думаю, формальный или неформальный характер исповеди обуславливается не тем, часто или редко человек исповедуется. Можно исповедоваться часто и неформально, можно – редко и совершенно формально. Тут важно другое: формально или нет человек живет по-христиански. Духовная жизнь подразумевает постоянный труд и борьбу, непрерывное творчество – изменение себя в соответствии с тем, какими нас хочет видеть Господь. Если это живое начало присутствует, исповедь не будет формальной, хоть дважды на дню исповедуйся. Представление о том, что редкая исповедь бывает более живой и глубокой, – совершенно ложное. Оттого, что человек будет реже исповедоваться, он полноценной христианской жизнью жить не начнет, это не связанные вещи. Не неся ежедневного, серьезного духовного труда, тот, кто редко исповедуется, будет попросту копить грехи и привыкать к ним.

Многие сторонники редкой исповеди говорят: «А вот священники, которые требуют от нас регулярной исповеди, исповедуются не перед каждым Причащением, а когда хотят – кто раз в неделю, кто раз в месяц, кто раз в полгода, когда бывает обязательная общеепархиальная исповедь, – и ничего!» Но как священник я могу сказать, что когда мы перестаем исповедоваться регулярно, считая, что у нас есть право самим решать этот вопрос – есть обязательная исповедь два раза в год, и этого достаточно, – конечно, это не идет на пользу нашей духовной жизни. Почему преподобный Иоанн Лествичник говорит о том, что полезно исповедовать перед духовником даже одни и те же грехи раз за разом? Потому что духовника ты можешь хотя бы устыдиться. А откладывая исповедь как что-то не необходимое или как «неприятную процедуру», начинаешь привыкать к своим грехам. Сначала смиряешься с более мелкими, так сказать, простительными, а потом и с более тяжелыми. И с течением времени наступает то состояние

духовного нечувствия, о котором мы говорили вначале, свойственное человеку, вообще ни разу не исповедовавшемуся.

Полноценная христианская жизнь предполагает немалое внутреннее напряжение. Тот, кто живет в этом напряжении, остро чувствует каждый свой грех и в нем раскаивается, для него нет грехов простительных, позволительных. И ему по опыту знакома благодатная помощь, которую мы получаем в таинстве Исповеди. Если же человек начинает воспринимать как норму «повседневные» (пусть еще не тяжкие) грехи – он стоит на порочном пути. Оправдывая себя, он говорит: «Все равно все грешат изо дня в день – осуждением, злостью, завистью… Зачем в этих грехах регулярно исповедоваться, если можно – пореже, когда наберется что-то более тяжелое и серьезное?» И вот он будет определять, набрал ли достаточное количество повседневных грехов, чтобы прийти на исповедь (или же приходит, когда тяжко согрешил)… То же человек порой относит и к молитве, рассуждая: «Молюсь я, как все, невнимательно, рассеянно – какая разница, делаю я это три раза в день или раз в три дня? Все равно молитвенник из меня никудышный. Буду просто молиться время от времени». Такое рассуждение никак не назовешь здравым: это капитуляция прежде боя. Если так помышлять, то мы не только не продвинемся вперед, но и постоянно будем откатываться назад, дальше и дальше.

Кроме того, таинство Покаяния нередко становится для человека моментом, когда он может не только что-то сказать Богу, но и нечто услышать от Него. Если он молится и просит об этом, то зачастую священник говорит ему на исповеди слово, важное для него. Это порой воспринимаешь как настоящее чудо – когда вдруг слышишь ответ на мучавший тебя вопрос.

Связь с таинством Причащения

Исповедь – не просто действие двух людей: священника и кающегося. Это таинство. На исповеди мы предстоим перед Христом. Если считать, что частота исповеди приводит к ее профанации и поэтому надо причащаться часто, а исповедоваться реже, то возникает вопрос: а разве у человека не может возникнуть привыкания и к Причащению? Это еще страшнее, чем привыкание к исповеди. Если человек неспособен хранить понимание того, что есть покаяние, и испытывать сокрушение перед Богом за свои грехи, то почему мы считаем, что он способен сохранять благоговение перед каждым Причащением? Откуда оно у него вдруг возьмется? Тут понимания нет – а тут оно появилось, тут глубины нет – а там она обнаружилась…

Здесь таится и еще одна ловушка. Когда христианин регулярно причащается без исповеди, у него появляется ощущение, будто он сам распоряжается своей евхаристической жизнью. С одной стороны, вроде бы и не надо у человека, взрослой полноценной личности, отнимать этой свободы. Но тут пропадает момент смирения! Это очень важно – вот мы подходим на исповедь, а духовник вдруг говорит: «Знаешь, не надо тебе причащаться сегодня». Некоторые считают, что он не имеет права этого делать, что, поступая так, он узурпирует не принадлежащие ему полномочия, встает между человеком и Чашей, между христианином и Христом. Но на самом деле без смирения невозможно причаститься достойно. Достойно может причащаться только тот, кто ощущает себя недостойным. Если священник сказал тебе: «Не причащайся, ты недостоин», а ты отнесешься к этому как к оскорблению, совершенно очевидно, что смирение тебе чуждо. Значит, произнося слова о своей греховности и негодности в молитвах перед Причащением («аще и недостоин есмь небесе и земли, и сея привременныя жизни», «вем, Господи, яко беззакония моя превзыдоша главу мою» и др. *–Ред.)*,ты не понимаешь, какой смысл в них заключен.

Говорят, сегодня исповедь превратилась в «пропуск к Причастию». А почему это плохо?

Для общения с Богом у нас нет никаких препятствий, кроме наших грехов. Но мы можем обманываться. И потому священник, который должен свидетельствовать о нашем покаянии на Страшном суде, имеет право проявить некую власть и сказать человеку, который не собирается причащаться: «Иди причащайся, тебе это необходимо», или же, наоборот, тому, кто готовился: «Знаешь, как священник, исповедующий тебя регулярно и знающий твою жизнь, я убежден, что тебе сейчас причащаться не надо». Это будет полезно – естественно, в том случае, если священник не безответственный, не самодур и не младостарец.

Кроме того, мы прекрасно понимаем, что даже сейчас, когда мы исповедуем всех готовящихся к Причастию, каждый раз в праздничный или воскресный день к Чаше подходит какое-то количество людей без всякой подготовки к таинству. Они не постились, не читали никаких молитв, никогда в жизни не исповедовались, как потом выясняется, многие из них имеют тяжкие, смертные грехи, не просто не исповеданные, а в данный момент в их жизни присутствующие. Их, как правило, выдает отсутствующий взор, поскольку они не понимают, что происходит, они ведут себя неуверенно, а иногда, наоборот, слишком уверенно, выделяясь из череды людей, подходящих к Чаше. Да, таких людей священники чаще всего замечают, останавливают, спрашивают: готовились ли, исповедовались? Но все же «перехватить» их удается не всегда. А что, если бы не было обязательной исповеди, предшествующей Причащению? Они совершенно спокойно причащались бы – нам и спросить их, по сути, было бы не о чем…

Исповедь с той периодичностью, в том виде, в котором она существует сегодня, соответствует состоянию современной церковной жизни. Отношение к христианской жизни в целом и к исповеди как к неотъемлемой ее части требует исправления и изменения. Наша христианская жизнь должна быть не шаблонной, а живой. И тогда такой же будет наша исповедь.

С чего начинается любая ересь? С того, что кто-то начинает выдергивать из Священного Писания то, что соответствует его взглядам, а несоответствующее – отбрасывать прочь. Точно так же и с церковной жизнью. Мы говорим, что хотим восстановить ее такой, какой она была, и потому будем исповедоваться так, как

исповедовались раньше? Хорошо. Тогда давайте Евхаристию совершать как раньше, в первые годы истории христианской Церкви. Давайте к себе столь же строго относиться, как относились первые христиане. Пусть никто из нас ничего не называет своим, но все у нас будет общее и не будет между нами никого нуждающегося (см.: Деян. 4: 32). Тогда, может быть, мы придем к тому, что необходимость в исповеди отпадет в принципе – такой безукоризненной станет наша жизнь…

Исповедь в жизни прихода

Чтобы помогать людям, способствовать созиданию их христианской жизни, священник обязательно должен знать их внутренний мир, обстоятельства, окружение. Это узнавание происходит по большей части в таинстве Покаяния. Духовник слышит, что говорит человек, и его совет и наставление уже отталкиваются от услышанного, от него строятся. Можно было бы, наверное, возразить, что не обязательно исповедовать прихожан, чтобы их узнать, достаточно просто регулярно беседовать с ними. Но на деле это не так: на исповеди мы открываемся так, как ни в какое другое время, ведь она во всех смыслах этого слова – таинство. И она крайне важна в этом отношении не только в жизни отдельно взятого христианина: священник, часто исповедающий прихожан, знает свой приход. Так складывается то, что в древнерусской практике называлось «покаяльной семьей».

Теоретически как раз в таком уже сложившемся приходе, вернувшись к вопросу об «обязательности и необязательности исповеди перед Причастием», было бы оправданным сказать: «Исповедуйтесь, когда вы будете чувствовать такую потребность». Тогда, увидев, что кто-то из его паствы уже месяц или два не исповедуется, священник наверняка задал бы этому прихожанину вопрос: «В чем дело? Мне кажется, за такой срок в твоей жизни все-таки произошло то, что требует исповеди…» Но такая практика накладывает на духовника обязательство быть крайне внимательным, не упускать из виду ни одного из членов своего прихода. Считать, что каждый из них взрослый человек и будет следить за собой сам? Да, а если не уследит, то понесет за это ответственность. Вместе с тем и ты, как пастырь, дашь за него ответ. На мой взгляд, это так.

Кроме того, надо учесть, что в любой приход постоянно вливаются новые люди, которые только-только приложились к Церкви и не имеют опыта жизни в ней, в том числе опыта покаянного, и оставлять на их усмотрение, когда исповедоваться, а когда приступать к Причастию без исповеди, конечно, нельзя. Но тогда получается, что ты делишь прихожан на две категории: этим так можно, а этим –

нельзя, что порождает массу неоправданных сложностей и искривлений, и мы, пытаясь решить одну проблему, тут же создаем множество других.

Мне думается, что новых (или старых) путей в этом смысле искать не стоит – это лишь все усложнит и запутает. Церковный человек, живущий доброй христианской жизнью, может подойти к духовнику или просто к священнику, стоящему у аналоя с крестом и Евангелием, и сказать: «Я исповедовался тогда-то и тогда-то, и с тех пор не произошло ничего, в чем бы я испытывал сейчас необходимость покаяться. Благословите к Причастию». Кому-то удается так внимательно и подвижнически жить, но боюсь, что мало кому… Возможно, разумеется, и другое: незадолго до большого праздника – Пасхи, Рождества, Крещения – совершенно естественно для настоятеля обратиться к постоянным прихожанам и попросить их исповедаться заблаговременно – за день, даже за несколько дней до самого праздника. Тогда исповедующие священники смогут гораздо больше времени и внимания уделить тем, кто, как говорится, ходит в храм два раза в год – на Рождество и на Пасху…

Заключение

Исповедоваться, как это ни удивительно, нужно учиться.

Было бы, вероятно, странно говорить о том, что есть искусство совершения исповеди. Но об искусстве покаяния, я думаю, мы говорить можем. Почему?

Покаяние – это делание. Делание, которое должно совершаться на протяжении всей жизни христианина. Преподобный Иоанн Лествичник пишет: даже если ты взойдешь на всю высоту добродетелей, то и тогда о прощении согрешений молись[33]. Авва Пимен говорил о том, что делание плача имеет двоякое значение: плач делает и плач хранит. Иными словами, плачем человек и созидается, и сохраняется в том, что он смог с Божией помощью в своей жизни создать. Как только останавливается процесс покаяния, начинается движение назад.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) свидетельствовал, что когда он не приносит Богу покаяния в своих грехах, то понимает, что день пуст, прожит зря, и чувствует себя опустошенным. И невозможно найти ни одного святого, который бы в течение всей жизни не имел подобного образа мыслей.

Но действие покаяния различно. Вначале, когда речь идет о тяжких прегрешениях, исповедь бывает исполнена боли и скорби, хотя покаяние и смягчает их, принося вставшему на этот спасительный путь облегчение – точно так же, как больной, перенесший тяжелую операцию, испытывает облегчение, зная, что ему вырезали страшную опухоль, хотя послеоперационная боль и остается. По мере того как его состояние улучшается, делаются более мелкие операции, и они не приносят такой скорби, от них остается легкое и даже отрадное ощущение – человек видит, что выздоравливает.

Точно так же и с исповедью. Когда христианин приносит Богу покаяние, то сначала бывает скорбь и тяжесть, потом наступает облегчение и радость. У иеросхимонаха Ефрема Катунакского, афонского подвижника, есть слова, которых многие иногда не понимают, толкуя их превратно. Он говорит, что когда ты молишься молитвой Иисусовой, то иной раз ощущаешь себя кающимся

грешником, а иной раз – принцем, сидящим на троне и внимающим своему Отцу. Но это происходит не самопроизвольно, а благодаря углублению в покаяние – благодаря тому, что человек помышляет о себе как о недостойном ровным счетом ничего. Господь может в этот момент показать ему всю высоту и красоту человеческого призвания, так что он действительно ощутит себя как бы на троне. Ведь благодать Божия приходит, когда ты этого не ждешь, считая себя недостойным ее.

Как и в Евангелии сказано:*Царствие Божие не приходит с соблюдением*(в русском переводе: «приметным образом». *–Ред.),*но тогда, когда его не ожидаешь (см.: Лк. 17: 20). Если человек рассчитывает получить благодать, он может ее не ощутить. Почему так? Потому что за ожиданием кроется «схема»: я сделаю так-то, и Господь мне за это должен то-то. Но Господь ничего не должен. И если ты на что-то рассчитываешь, то ничего не получишь: так происходит, чтобы ты понимал, что благодать – это дар. Поэтому она дается*туне*– в тот момент, когда ты об этом и мечтать не смеешь, находясь в такой глубине смирения, которая позволяет тебе стать вместилищем и сосудом этой благодати. То же происходит и в таинстве Покаяния.

Исповедь – это один из элементов покаянного делания человека, и как таинство она очень важна. Но в то же время понятие «покаяние» гораздо шире, чем понятие «исповедь». Вся жизнь христианина должна быть проникнута покаянием, которое делает человека лучше (только не тем разрушительным раскаянием и чувством вины, которые подавляют и уничтожают его).

Парадоксально, но, считая себя хуже, мы становимся лучше. Это не какое-то засуживание, «затюкивание» себя, уничтожение того достоинства, которое в нас есть. Тут все как в обычной жизни: совершенства достигает тот, кто постоянно считает себя недостигшим, как говорил апостол Павел (см.: Фил. 3: 13), и простирается вперед. Как только человеку кажется, что он чего-то достиг, движение останавливается. В духовной жизни тем более это так.

Помните слова о народе Израильском, который насытился, располнел и забыл Бога (*и [ел Иаков, и] у тучнел Израиль, и стал упрям; у тучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога*(Втор. 32: 15). *–Ред.)*? До тех пор, пока в человеке живо покаяние, в нем жива жажда Бога, как только покаяние замирает, тотчас ослабевает, сходит

на нет и стремление к своему Создателю. Можно попытаться искусственно заполнить душу какими-то переживаниями и чувствами, которые будут лишь имитацией того, что реально должно быть в сердце, но это – самая настоящая прелесть.

Когда христианин движется по пути покаянного делания, он узнаёт его великую радость и великое счастье. Да, этот путь может быть сопряжен со слезами, но вместе с тем и с удивительным светом, и с величайшей отрадой, которую никак иначе познать невозможно.

Об авторе

Игумен Нектарий (Морозов) – постриженник подворья Троице-Сергиевой лавры в Москве, настоятель храма в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла г. Саратова.

Руководитель информационно-издательского отдела Саратовской епархии; главный редактор журнала «Православие и современность».

Родился в 1972 году в Москве. В начале девяностых поступил на факультет журналистики Московского государственного университета, одновременно с учебой работал в еженедельнике «Аргументы и факты», «Общей газете». В качестве журналиста неоднократно выезжал в командировки в различные «горячие точки» страны.

В 1996 году поступил в число братии подворья Троице-Сергиевой лавры в Москве. Там же в 1999 году принял монашеский постриг.

В 2000 году рукоположен в иеромонахи, через три года направлен на служение в Саратовскую епархию.

Игумен Нектарий – автор нескольких книг, постоянный автор публикаций в православных и светских СМИ. Ведет дневник в ЖЖ, записи в котором сочетают взгляд на актуальные события современности с глубокими наблюдениями в сфере духовной жизни.

Об издательстве

Живи и верь

Для нас православное христианство – это жизнь во всем ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги.

В мире суеты и вечной погони за счастьем человек мечется в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо – это изменение человеческой души. От зла – к добру! От бессмысленности – к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье!

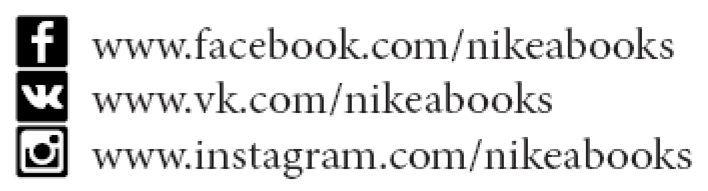
Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в многосложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!

www.nikeabooks.ru

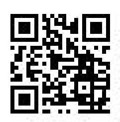
Присоединяйтесь к нам в социальных сетях!

Интересные события, участие в жизни издательства, возможность личного общения, новые друзья!

Наши книги можно купить в интернет-магазине:

www.nikeabooks.ru

---

notes

Примечания

1

Преподобный Павел Препростый –отшельник, ученик прп. Антония Великого (IV в.). Прозвание «Препростый» получил за свои простоту и незлобие. Безропотным послушанием, подлинным смирением в короткое время стяжал святость.

2

См.:*Игнатий (Брянчанинов), свт.*Избранные изречения отцов, преимущественно египетских, которых имена дошли до нас, и повести из жития этих отцов. Авва Павел Простый // Отечник. М.: Благовест, 2011. С. 302–304.

З

См. чин исповеди в любом издании Требника.

4

Преподобный Паисий Афонский, или Святогорец(в миру – Арсений Эзнепйдис; 1924–1994) – афонский монах, старец, один из самых почитаемых духовных наставников не только в Греции, но и по всему миру. На русский язык переведены книги его бесед, письма и др. Наставления старца отличались простотой, запоминающимися образами и добрым юмором. Похоронен в Иоанно-Богословском монастыре недалеко от г. Суроти (Греция). Канонизирован 13 января 2015 года (имя включено в Месяцеслов Русской Церкви с 5 мая того же года).

5

Епитимья– правило, определенное кающемуся христианину ради его исправления (молитвы, поклоны или др.). Налагается на кающегося его духовником.

6

Митрополит Иерофей (Влахос)(род. 1945) – епископ Элладской Церкви, митрополит Навпактский и Свято-Власиевский. Выпускник Богословского факультета Университета Аристотеля в Салониках, проповедник, богослов, преподаватель. Автор не менее 82 книг богословского и социального содержания.

7

Требный священник– то есть тот, кто исповедует перед/во время литургии, служит молебен и/или панихиду после нее. Служащий священник, в отличие от требного, совершает литургию и другие богослужения суточного круга.

8

Преподобный Серафим Саровский(ок. 1754–1833) – великий святой Русской Православной Церкви, монах, отшельник. Наряду с преподобным Сергием Радонежским – один из самых почитаемых русских святых. Подвизался в Саровской пустыни. Основатель и покровитель женской Дивеевской обители, почитаемой как четвертый земной Удел Пресвятой Богородицы, где сегодня покоятся его мощи.

9

Преподобный Антоний Великий(ок. 251–356) – раннехристианский подвижник, почитаемый как основатель отшельнического монашества. Ушел из мира, услышав в храме чтение из Евангелия о призвании Иисусом Христом богатого юноши (см.: Мф. 19: 21). Подвизался в полном уединении, претерпевая многие, вплоть до физических, нападки от нечистой силы, желавшей помешать подвигу преподобного. Собрание изречений прп. Антония Великого можно найти в «Отечнике» свт. Игнатия (Брянчанинова).

10

Ср.: «Делание монаха, превосходящее все другие, самые возвышенные делания его, заключается в том, чтобы он исповедовал грехи свои пред Богом и своими старцами, чтобы укорял себя, чтоб был готов, до самого исхода из земной жизни, встретить благодушно всякое искушение». См.:*Игнатий (Брянчанинов), свт.*Избранные изречения отцов, преимущественно египетских, которых имена дошли до нас, и повести из жития этих отцов. Авва Антоний Великий. Слово 16 // Отечник. М.: Благовест, 2011. С. 7.

11

См.:*Игнатий (Брянчанинов), свт.*Избранные изречения отцов, преимущественно египетских, которых имена дошли до нас, и повести из жития этих отцов. Авва Пимен Великий. Слово 28 // Отечник. М.: Благовест, 2011. С. 288.

12

Преподобный Иоанн Лествичник(середина VI – начало VII в.) – святой, пустынник. Свой монашеский путь начал в Синайском монастыре. По смерти наставника избрал отшельническую жизнь и провел сорок лет в пустыне Фола. Был избран игуменом Синайского монастыря. Автор знаменитой «Лествицы» – «учебника» иноков, книги о возрастании в христианских добродетелях.

13

Святой праведный Иоанн Кронштадтский(1829–1908) – священник Русской Православной Церкви, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Пастырь, еще при жизни обретший всероссийскую известность. Ревностный в служении, полностью отдавший себя служению Богу и ближнему, о. Иоанн заботился о неимущих, часто сам оставаясь без средств. Божественную литургию святой совершал почти ежедневно, исповедовал, принимал приходящих, отвечал на письма огромного множества людей. Прославлен в лике святых в 1988 году.

14

Преподобный Никодим Святогорец(1749–1809) – афонский монах, духовный писатель и переводчик, богослов, аскет. Преподобный Никодим получил блестящее образование, знал несколько европейских языков.

Уйдя на Святую Гору Афон, посвятил себя молитве и изучению святых отцов, литературно-богословской работе. «Невидимая брань» – наиболее знакомая русскому читателю книга прп. Никодима, повествующая о внутренней борьбе христианина за чистоту своей души.

15

Преподобный Сипуан Афонский(1866–1938) – афонский монах русского происхождения, насельник Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Согласно житийной литературе, еще будучи послушником, пережил явление Христа и стяжал дар непрестанной молитвы. Жизнеописание старца Силуана составил его ученик и биограф архимандрит Софроний (Сахаров).

16

См.:*Игнатий (Брянчанинов), свт.*Авва Сисой Великий. Слово 9 // Отечник. М.: Благовест, 2011. С. 305.

Великого и Иоанна Пророка на его вопросы на протяжении веков остаются классикой аскетической литературы, настольной книгой ищущих спасения.

18

См.:*Игнатий (Брянчанинов), свт.*Повести из житий старцев, преимущественно египетских, которых имена не дошли до нас. Повесть 17 // Отечник. М.: Благовест, 2011. С. 380.

19

*Преподобный Никодим Святогорец.*Невидимая брань. Глава 28. Что делать, когда бываем уранены на брани.

20

Святитель Игнатий (Брянчанинов)(1807–1867) – епископ Кавказский и Ставропольский, выходец из известного дворянского рода Брянчаниновых, духовный писатель и богослов, автор множества назидательных сочинений, самые известные из которых – «Аскетические опыты», «Отечник», «Приношение современному монашеству» и др.

21

Архимандрит Иоанн (Крестъянкин)(1910–2006) – монах, духовник, около сорока лет был насельником Псково-Печерского монастыря. Исповедник: претерпел тюремное и лагерное заключение за веру. Один из наиболее почитаемых старцев Русской Православной Церкви конца XX – начала XXI в.

22

Игумен Никон (Воробьев)(1894–1963) – священнослужитель Русской Православной Церкви, учитель покаяния наших дней. Известен многочисленными письмами к своим духовным детям, издававшимися под разными названиями: «Нам оставлено покаяние» (Изд-во Сретенского монастыря, серия «Письма о духовной жизни», 2010), «Письма о духовной жизни» (Благовест, 2015; Отчий Дом, 2015).

23

Преподобный Исаак Сирин(VII в.) – христианский подвижник, жил в Сирии и Ассирии. Среди его творений есть как деятельные главы, полезные всякому христианину, так и созерцательные главы, в которых идет речь о высоких духовных состояниях, незнакомых большинству людей. По слову прп. Варсонофия Оптинского, Исаак Сирин парит над прочими святыми отцами, как орел над другими птицами.

24

См.:*Игнатий (Брянчанинов), свт.*Избранные изречения отцов, преимущественно египетских, которых имена дошли до нас, и повести из жития этих отцов. Авва Пимен Великий. Слово 97 // Отечник. М.: Благовест, 2011. С. 300.

25

О Покаянии // Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви [сост.: Филарет (Дроздов), свт.; подг. текста, примеч. и указ.: канд. ист. наук А.Г. Дунаев]. М.: Изд. совет Русской Православной Церкви, 2006. С. 81.

26

См. чин исповеди в любом издании Требника.

27

Преподобный Варсонофий Великий(V–VI вв.) – христианский святой, подвизался в монастыре аввы Серида близ Газы Палестинской, где более пятидесяти лет жил как отшельник. Ответы прп. Варсонофия и его ученика Иоанна Пророка монахам и мирянам собраны в книге «Руководство к духовной жизни», которую можно назвать необходимым чтением для каждого христианина.

28

Клайв Стейплз Лью́ис(1898–1963) – английский писатель, поэт, преподаватель, ученый и богослов. Наиболее известен своими произведениями в жанре фэнтези, среди которых – «Хроники Нарнии», а также книгами в жанре христианской апологетики: «Расторжение брака» (о реальности ада и рая), «Размышление о псалмах», «Просто христианство» и др. Его «Письма Баламута» и «Баламут предлагает тост» с удивительной точностью показывают, как тонко и хитро темные силы искушают душу христианина. Книги К.С. Льюиса знакомы русским православным читателям и любимы ими.

29

Мученик Варвар Луканский(IX в.). Долгое время совершал разбои, грабежи и убийства. Но однажды благодать коснулась его сердца, он глубоко раскаялся и пришел в ближайший храм. Не считая себя достойным жить вместе с людьми, Варвар жил со скотом, после – ушел в лес, где провел двенадцать лет, терпя холод и голод. Принял мученическую смерть: был случайно убит проезжавшими через лес купцами, принявшими его за зверя.

30

Преподобный Моисей Мурин(330–405) был разбойником; покаявшись, он пришел в монастырь и стяжал удивительное смирение и терпение. Считал себя достойным мученической смерти за свои злодеяния. Так и случилось: преподобный Моисей был убит разбойниками.

31

Преподобный Нифонт, епископ Кипрский (IV в.), родился в Пафлагонии, образование получил в Константинополе. В детстве был кротким и добрым, часто посещал церковную службу, но в юности стал вести разгульную и греховную жизнь. Раскаявшись в своих падениях, непрестанно молясь Божией Матери, он сумел изменить свою жизнь, принял монашеский постриг. В конце жизни был избран епископом города Констанции на Кипре.

32

Преподобный Амвросий Оптинский(1812–1891) – иеромонах, продолжатель традиции Оптинского старчества. Ушел в монастырь по обету, данному в тяжкой болезни. Физическая немощь не оставляла его и в обители. Тем не менее, святой всегда был радостен, утешал и ободрял других. За наставлением к нему шло огромное множество людей. Прославлен в 1988 году. Мощи его находятся в Оптиной пустыни.

33

*Иоанн Лествичник, прп.*Степень 28.0 матери добродетелей, священной и блаженной молитве, и о предстоянии в ней умом и телом. Слово 13 // Лествица. М.: Изд-во Белорусского Экзархата Московского Патриархата, 2010. С. 686.